

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ЛОСЕВ
**ЧЕРНЫЙ
ПРИЗРАК**

Владимир Лосев

Черный призрак

«Автор»

2009

Лосев В. И.

Черный призрак / В. И. Лосев — «Автор», 2009

ISBN 978-5-9922-0358-5

Кто сумеет одолеть лабиринт? Только избранный неведомыми силами проводник. Только ему дано превратиться из смертного молодого человека в бессмертного знатока космических дорог – нужного всем, востребованного всегда. Но прежде должен он найти свою единственную любовь, чтобы не было одиночества в мирах, чтобы даже самый избранный мог возвращаться под крышу родного дома, к женскому теплу и ласке.

ISBN 978-5-9922-0358-5

© Лосев В. И., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владимир Лосев Черный призрак

Пролог

Огромное фиолетовое небо над головой, глубокое, прозрачное, манящее своей недостижимостью. Высокая, желтая, наполовину высохшая трава под ногами, с острыми режущими кромками, здесь даже животные ходят в костяном панцире, иначе смерть.

В этом мире все против тебя: и деревья, и растения, и цветы, и насекомые. Убивают здесь легко и бесхитростно. Стоит потерять осторожность, и тебя уже нет. Глупцов тут любят – это вкусная, легко ловимая и хорошо усваиваемая пища.

А над головой светят звезды – холодные, яркие, только в этих местах они такие далекие и манящие. Почему-то всегда так: чем тяжелее жизнь, тем недостижимее звезды.

Но и до них можно добраться и найти свое особое место в этом мире, которое существует для каждого из нас, конечно, если знать как...

Я знаю. Бывал в таких местах, и не раз. Конечно, не на звездах, а на планетах рядом. Обитаемых, наполненных множеством существ, живущих своей малопонятной, безумно интересной и чрезвычайно опасной жизнью.

Обитаемых миров много, хоть число их не бесконечно.

Впрочем, когда-то на многих планетах имела жизнь, а потом ее не стало. Ибо всему есть начало и всему находится конец. Хорошо это или плохо, не знаю. Даже думать об этом не хочу. Меня не тянет на пустые философствования. По-моему, глупо строить предположения, теории и гипотезы, ведущие в далекое никуда, когда всему и так найдется объяснение рано или поздно.

А если так не терпится и действительно что-то хочется узнать именно сейчас, то стоит спросить Наibu – если, конечно, удастся вырвать ее из вечных скитаний во времени, в которых она потерялась, так как прошлое, настоящее и будущее давно сплелись для нее в единое неразрывное целое. Такова беда многих пророков – жить в странном состоянии полусна-полуяви...

Не то что я, живущий всегда сегодня и сейчас.

Иногда мне жаль себя за то, что вижу окружающее таким несложным и незатейливым, часто глуповатым. Даже не знаю, когда исчезло ощущение чуда, и с этим уже ничего не поделаешь. Так устроена эта жизнь – всегда что-то теряешь, а что-то находишь. Когда-то я тоже был наивным парнишкой, испуганно глядящим на тех, кто меня окружал тогда, а мир считал большой помойкой, в которой меня ждут только неприятности и разочарования.

Не очень-то в этом и ошибался, во вселенной намешано многое, в ней главное – смотреть под ноги и не делать непоправимых ошибок.

С недавних пор меня называют Черным призраком за умение скользить темной тенью в белесой пелене переходов, иногда уважительно – Проводником. За то, что каждого желающего могу увести к звездам, к любой планете на выбор. Цена небольшая – всего лишь несколько драгоценных камней, которые я смогу обменять на еду и одежду в любом из миров.

Немногие разумные знают о том, что я существую. Возможно, поэтому у меня не так много работы и у порталов не слышно гомона толп, желающих попасть к чужим звездам.

Многие существа страдают на родной планете, не зная, что счастье, возможно, ожидает их где-то среди далеких светил на какой-нибудь маленькой уютной планете, где жизнь легка и проста. Тому есть причина: лабиринт долгое время был закрыт, и лишь совсем недавно он заработал вновь.

Так получилось, что он ждал меня. Объяснить это не могу, сам до сих пор удивляюсь.

В обитаемых мирах сменилось уже не одно поколение не знающих о том, что и у них на планете есть дверь, за которой открывается дорога в холодные вселенские дали, где можно найти все. Впрочем, я считаю, что эти существа счастливы своим незнанием, потому что многие обычно стремятся к тому, что им совсем не нужно, и бегут от того, без чего жить не могут.

Только к старости появляется понимание, что бежишь всегда только от самого себя и при этом обычно теряешь то, без чего жизнь теряет смысл.

Иногда кое-кто после долгих бесплодных странствий желает вернуться в свой мир, не понимая, что обратного пути нет.

Нет, конечно, возвратиться можно. В этом нет проблем. Лабиринт можно пройти в обе стороны.

Только тот, кто вернется, с грустью узнает, что его мир стал другим. Нет, не потому, что стали другими существа, его населяющие, или изменился климат. Дело в другом: меняемся мы сами, и вернуться домой – это то же самое, что вернуться в детство, а это невозможно.

Увы, все меняется, и место, где ты родился, уже не узнать. Ты не узнаешь ничего, и все, что когда-то любил, стало чужим.

Трудно жить, зная, что обратной дороги нет. Но жизнь – всегда дорога в один конец. Так создана вселенная.

А звезды манят, и, думаю, каждому хочется окунуться хоть раз в их холодный небесный свет.

Часть первая

Проклятое место

Глава 1

Меня уволили с работы.

Навсегда запомню этот день – 5 августа – как начало моего падения на дно пропасти, называемой жизнью.

С утра ничего не предвещало грозowych туч. Светило яркое солнце, и окружающий мир обещал к обеду стать жарким, душным и почти невозможным для существования. В столице в это время повисает над центральными улицами смрадный серый смог от выхлопов машин и испарений от плавящегося под лучами безжалостного светила ноздреватого асфальта.

Но пока не растаяла ночная прохлада, жить было можно.

Доехал нормально и даже успел влиться в редющую струйку сотрудников, проскакивающих через турникет и быстро набирающих скорость, чтобы успеть к своему рабочему месту до боя курантов, отмеряющих нашу офисную жизнь. Пары минут мне вполне хватило бы, чтобы зафиксировать свое пребывание и начать новый рабочий день, но надо же было случиться так, что именно передо мной вертушка застопорилась. Щелкнул металлический запор, и из-за маленькой застекленной будки показался охранник.

До этого даже не замечал, какая у него уголовная рожа. А тут увидел, как в маленьких глазках зажглись нездоровые красные огоньки, под темной прыщеватой кожей заходили желваки, а толстые, покрытые рыжими волосиками пальцы сложились в огромный кулак, на котором проявилась татуировка – «Миша».

– Сказано – не пущать, значит – не пущать! Куда лезешь, тля? Жить надоело? Так могу устроить. – Охранник выхаркнул эти слова с характерным присвистом, говорящим об интенсивном курении. При этом лицо его потемнело от злости и непривычного умственного напряжения. – Легко!

Сказать честно, я даже не понял, в чем дело, потому что мысленно уже сидел на своем рабочем месте, обсуждая последние новости, почерпнутые из телевизора. Я так спешил: улицу перебежал в неположенном месте, едва увернувшись от крутого джипа, чтобы успеть. Мне требовалась всего пара минут, и я сидел бы за своим столом с компьютером, у меня в нем спрятались в служебных папках любимые игры-стрелялки, там обычно проходит моя жизнь вместе с рабочим временем.

– Посмотри на меня. – Я огорченно вздохнул. – Перед тобой свой человек и очень ценный работник. Без меня эта контора пропадет. Тебя же уволят!!! Неужели ты этого хочешь?!

Отбарабанил этот заранее выученный набор фраз как раз на такой случай, даже не поняв, чего ко мне привязался этот здоровый буйвол. Обычно он стоит в стороне и лениво поглядывает на ножки девчонок, пробегающих через стеклянные двери.

Выкрикнув все это, я сделал еще одну попытку проскочить мимо этого верзилы, пахнущего потом и дешевым парфюмом, но снова был остановлен тяжелой грубой рукой.

После этого я занервничал. Еще немного, и шеф обнаружит, что меня нет на месте, со всеми вытекающими последствиями. А без премии мне никак в этом месяце нельзя остаться, собрался кое-что прикупить, да и пришло время отдавать долги, а их накопилось немало.

Увидев, что охранника мне все равно не обойти, я решил более внятно объяснить этому чучелу, одетому в строгий черный костюм, сегодняшнюю политическую ситуацию:

– Ты же знаешь, я тут работаю. Если опоздаю, у меня будут серьезные неприятности, а я постараюсь повернуть дело так, чтобы они появились у тебя, что именно ты сделал плохо всему коллективу. Пусты, пока не поздно. Это мой совет. Он от всего сердца. Уволят же!

– Не-а. – Радостная, довольная ухмылка. Из рта пахнуло застарелым запахом табака и гниющих на корню зубов. – У тебя уже не будет здесь неприятностей – вообще никаких. Ты не рвись за турникет, все равно не пропущу, просто по стенке размажу и сделаю инвалидом от всей моей щедрой души... тоже от всего сердца. Ты понял, блоха интеллигентская?

– Что ты сказал?! – До меня по-прежнему не доходил смысл происходящего: вот она – проходная, а за нею еще одна дверь, а там всего двадцать метров до двери офиса. – Пусты, а то точно твоему шефу пожалуюсь! Чего прицепился?

– Ты где потерялся, пацан? Не слышишь, что тебе говорю?! Ау! – Перед моим носом проскочил еще один сотрудник, которому турникет открыли. – Тебе не туда надо, а по коридору, в кадры. Понял, тля? Это тебя увольнять будут, а не меня.

– Что?! Шутишь?

– Ага! – Рыжеволосый кулак, пахнувший дешевым одеколоном, повис у моего носа. – Я правильно понял: ты это меня щас клоуном назвал? А... тля? Мне, может, тебе разок врезать по печени для лучшего понимания? Так я могу.

– Извините. – Я попятился. – Не хотел вас обидеть...

– Ты кого назвал обиженным?! – взревел буйвол, и его и так пышущее нездоровым пивным румянцем лицо стало окончательно багровым, в этом цвете потерялись маленькие глазки. Разговаривать стало еще труднее. – Да я тебя щас размажу по стенкам, отскребать три дня будут, и «скорая» не понадобится. Сказал: в кадры, значит – в кадры! А ну, бегом, интеллигент!!

– В кадры? Зачем?

– Не понял, что ли? Мне тебе снова объяснять?

Тут у меня в голове наконец появилась свежая мысль: а стоит ли с этим дебилом разговаривать? Ему сказали, он передал... так, как может. Надо зайти в кадры, раз просят. Там все выяснится. Если это шутка, то без меня с ним разберутся. Напишу заявление, пусть взыскание вешают на этого громилу за превышение полномочий. Шеф у нас строгий.

Я свернул в коридор, прошел окошко кассы, как всегда закрытое, и постучался в массивную дверь. Потом открыл, услышав невнятный шорох.

Давно я тут не был, мебель новая появилась. И еще кое-что...

Здоровая тетка сидела, развалившись в кресле, и что-то изучала на мониторе, шевеля толстыми ярко-красными губами.

Услышав скрип двери, недовольно подняла голову и выплюнула из обильной груди:

– Господин Петров?

Я и на самом деле Петров, только меня еще никто до этого момента господином не называл.

– Да, это я.

– Распишитесь вот здесь. – Тетка сунула мне приказ на увольнение. – Читайте: Г. Петров уволен по собственному желанию, заявление прилагается. Число сегодняшнее...

– Но у меня нет желания увольняться, тем более по собственному желанию...

– Это раньше не было, а теперь появилось... – Довольная усмешка на розовом, заплывшем жиром лице. Где она нашла такую ярко-красную помаду на губы? Подобные расцветки обычно используют только ядовитые насекомые и змеи, чтобы сразу всем было видно – с такими тварями лучше не связываться. Похоже, эта прелестная особа из той же породы ядовитых пресмыкающихся.

– Я и заявление не писал...

– Приказ уже подписан, причина указана! – Голос четкий, командный. Все слова выговариваются по слогам, как для дефективного ребенка. – Если подписывать не хотите, то напишу – от подписи отказался! Можете оспорить увольнение в суде. Возможно, вам даже удастся выиграть это дело. Только сначала придется полгода походить по разным инстанциям. По решению суда мы вас восстановим, а потом снова уволим, но уже по такой формулировке, что вас больше никто на работу не примет. Понятно? Будем недовольство проявлять или начнем заявление по собственному желанию писать?

Я вздохнул. События происходили для меня слишком быстро, просто не успел осознать, что случилось.

Судиться – не судиться? Стоит – не стоит? Писать – не писать? И надо ли мне это? Отсудить можно. Без проблем. Только тетка права, побегать придется.

Восстановят, выплатят всю зарплату и даже моральный ущерб возместят. А потом где-нибудь в подворотне вот этот Миша, как и обещал, размажет по стенке.

И стоит ли ради этого идти на скандал? Победить все равно не удастся: если им не хочется, чтобы я у них работал, то хоть низко кланяйся и кричи три раза «ку», все равно ничего не изменится.

Да и работа так себе, платят мало, на жизнь едва хватает. «Мерседес» не купишь...

Тетка бросила передо мной на стол желтый конверт.

– Не хотите писать заявление – не надо, нам все равно! Тут ваша зарплата. Расписаться за нее не желаете? Откажетесь – останется у меня.

Я еще немного подумал, потом растерянно взял ручку, накарябал свою подпись и получил в руки новенький запечатанный конверт, в котором на ощупь лежали десятка два, думаю, не очень крупных купюр.

Пересчитать не получилось, тетка встала и подтолкнула меня к двери твердой, неженской рукой.

– Удачи!

Дверь захлопнулась. Охранник, который невероятно как сумел пролезть в узкий тесный коридор, пахнувший свежей краской после недавнего ремонта, больно схватил меня за плечо, дотаскил до двери и вытолкнул на улицу. Хорошо, что не добавил пинка.

Я только и успел прошептать:

– А вещи с рабочего стола?

– Посмотри за углом, в помойке, туда твой шеф только что коробку потащил, – довольная ухмылка. – От писчей бумаги.

Я машинально взглянул на часы. Прошло пять минут – если бы меня сейчас пропустили, то еще успел бы на свое рабочее место. Да только нет его уже у меня. Уже пять минут как нет.

Внутри по-прежнему жило ощущение, что это шутка. Глупый розыгрыш. Сейчас из стеклянных дверей выскочит какой-нибудь клинический идиот и закричит счастливым голосом:

– Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!!!

Милые девушки сунут мне в руки букет цветов, и все радостно зааплодируют. Я постоял несколько минут, все еще на что-то надеясь, но никто не появился...

А еще через минуту из-за угла вывернул начальник моего отдела. В руках он действительно держал картонную коробку. У меня внутри все неприятно сжалось. Это уже совсем не походило на шутку или розыгрыш.

Мой шеф неплохой парень, возрастом чуть старше меня. У нас сложились неплохие отношения. Он понимал меня, а я его. Даже как-то выпивали вместе.

Он увидел мое растерянное лицо, сделал странное движение, словно хотел вернуться обратно, но, взглянув на часы, прибавил ходу – должно быть, боялся опоздать на оперативку.

Шагах в трех от меня быстро воскликнул, протягивая коробку:

– Я был против твоего увольнения, но решение принято на самом верху. С каждого отдела по человеку. Сокращение. Экономические показатели упали. Продажа тоже. Конкуренты активизировались. Извини, опаздываю. Здесь все твое, что нашли в столе. Если что-то попало чужое, позвони, я выйду, заберу... потом.

Он пробежал мимо, сунув мне коробку. Я потерянно посмотрел ему вслед и снова взглянул на часы: семь минут рабочего времени прошло.

Всего-то, а моя жизнь стала уже такой странной и непонятной. И что теперь делать? Как жить? Куда идти?

Громко выругался, погрозил кулаком насмешливо наблюдающему за мной сквозь грязное толстое стекло вестибюля охраннику и зашагал к трамвайной остановке. Думаю, жесткие диски моего компьютера уже отформатировали. Умерли мои игрушки, исчезла вселенная, в которой я был хозяином, не дождутся моего появления на чате мои друзья. Все пропало, меня больше нет.

...Что ж, посижу дома. Давно мечтал отоспаться, отдохнуть. А потом найду себе другую работу. Лучше этой. И где платить станут больше.

Еще пожалеют! Кто у них будет работать за такие деньги да еще так старательно, как я?

Я даже спал за рабочим столом не больше получаса в день и смотрел на начальство всегда с довольным, бодрым видом, только что хвостом не вилял, да и то только по той простой причине, что у меня его нет. А как я переживал за родную контору, когда у нее начинались неприятности! Только что не плакал...

По крайней мере, ход мыслей понятен. В случае сокращения мне обязаны заплатить за два месяца вперед, атак наверняка сунули только за отработанное время. Я открыл конверт. Точно. Зарплата за полмесяца. Не разгуляешься. Кончится быстро. Завтра уже придется искать работу.

Только сначала...

Я посмотрел по сторонам и завернул в стекляшку, заказал себе сто граммов водки и салат. Потом повторил, и так до того момента, когда реальность стала размазываться перед моими глазами, превращаясь в блеклое серое безрадостное пятно. Тогда побрел домой.

Пятого августа кончилась одна моя жизнь и началась новая, но тогда я этого не знал и думал, что просто попал на черную полосу. Такое бывает. Иногда. У кого-то чаще, у кого-то реже, все зависит от того, что кому на роду написано. Все складывается плохо, потом становится еще хуже, а когда уже подпирает так, что, кажется, дышать нечем, тогда тучи уходят и появляется солнышко.

Быть в черной полосе ужасно. Ничего не получается. Все твои начинания обречены на провал. Женщины бросают, друзья уходят, остаются только собутыльники, которые верны тебе до твоего последнего рубля, потом уходят и они.

Но что тут поделаешь? Удачи на всех не хватает, значит, кому-то приходится отдуваться за счастливых. В этот раз придется мне. Надеюсь, недолго.

Я сходил, зарегистрировался на бирже труда, там заставили заполнить несколько анкет и выдали десяток адресов, где требуются работники моей специальности.

Сходил. Не взяли. Смотрели, оценивали, как скаковую лошадь, только что в зубы не глядели, но все равно потом отказывали. Черная полоса, она и есть черная, что хочешь делай, не побелеет, пока время не придет.

Пособие по безработице выдали один раз, оно было таким мизерным, что мне его не хватило даже на обед в кафе.

Мой официальный заработок в фирме был небольшим, основные деньги мы получали в конвертах ярко-желтого цвета, хозяева экономили на всем.

Черная полоса...

Чем больше проходило времени с того момента, как я остался без работы, тем становилось хуже. Со службы трудоустройства не звонили, на мои звонки отвечали:

– Ждите. Появится что-то подходящее, обязательно сообщим.

По объявлениям, которые находил в газетах и интернете, ходил регулярно, но как-то все не складывалось: вроде и специальность неплохая – инженер-механик, а нигде не нужен.

Черная полоса, на то она и черная, что, когда попадаешь в нее, ничего не получается, даже то, что раньше было таким простым и доступным.

Дома тоже все испортилось. Сначала Ирка повесила на меня все домашние дела:

– Все равно дома сидишь. Делать тебе нечего. А мне семью кормить.

Хороша семья – она да я. Детей от меня Ирка не хотела, чего-то боялась. Теперь думаю, правильно делала, потому что, будь у нас маленький ребенок, все бы закончилось намного быстрее...

Детям много чего требуется для нормальной жизни. И когда приходится выбирать между бездельником-мужем и ребенком, женщины однозначно выбирают не нас, мужиков.

Раньше Ирка у меня деньги клянчила на косметику и тряпки, теперь я начал выпрашивать у нее на пиво, проезд в метро и другую мелочь. Сначала давала молча и с довольной улыбкой, скоро – с большей неохотой и множеством нелестных слов в мой адрес, а потом, когда окончательно утвердилась в мысли, что работы мне не найти никогда, перестала давать совсем.

И с этого момента моя жизнь окончательно превратилась в какую-то трудно переживаемую мерзость.

Ирка стала вести себя со мной вызывающе, с каким-то откровенным презрением и даже брезгливостью.

Любовь, о которой она мне так часто раньше говорила, особенно когда ей от меня было что-то нужно, безвозвратно исчезла из ее сердца, и, кажется, навсегда.

Так и не понял: то ли этого чувства и раньше не было, а я, дурак, верил, то ли действительно ни одна большая любовь не терпит жизненных испытаний. Говорят же: лодка любви наткнулась на быт. Похоже, это было сказано про нас.

Очень скоро никак не скрываемое презрение и превосходство стало проскальзывать в каждом ее слове.

К себе она меня больше не допускала, словно наказывая.

А потом... все мгновенно испортилось – еще вчера было нормально или почти нормально, и ничего не стало.

Конечно, и я виноват – вернулся домой чуть раньше, чем обещал, хотя произошло это не по моей вине, просто фирма, в которую ездил, обанкротилась, поэтому там разговаривать о моей работе оказалось не с кем.

Я спокойно вошел в квартиру, открыв своим ключом, прошел в зал и увидел Ирку, целующуюся с пареньком примерно моих лет. Позже понял – она подстроила это специально, слишком уж все мною увиденное напоминало театральную постановку: мужская рука в глубоком вырезе, вторая на обнаженном колене, и долгий протяжный поцелуй.

Ирка даже оправдываться не стала, а величественно указала свободной рукой на дверь:

– Пошел вон! Это моя жизнь, с кем хочу, с тем и сплю! Ты мне не муж, так... временная трудность. Твои вещи уже собрала. Они в прихожей...

Мы с ней не расписаны, до этого жили, как теперь называют, «гражданским браком».

Когда я забрал небольшой чемодан и пошел к двери, все еще не до конца понимая, что произошло, она ехидно прошипела в спину:

– Неудачники никому не нужны. Им место на помойке. Бомжевать будешь, ко мне не подходи, копейки не дам!

Я ее любил, по крайней мере, мне так казалось. Удар получился сильный, неожиданный и очень болезненный, хоть и ожидаемый, хоть и ждал чего-то подобного гадкого.

За пару дней до этого неприятного события Ирка вскользь намекала, что этим все скоро и закончится, да я не понял. Ошибся, как всегда, а фортуна снова показала мне свой костлявый зад. Черная полоса на то и черная, что все плохо: и зуб заболит некстати, и любимая изменит.

А куда теперь?

Вышел, ничего не понимая, в глазах черные круги, воздуха не хватает, убить кого-нибудь хочется, хоть уже догадываюсь, что поздно. Раньше надо было в квартире руками размахивать, а после такого нокаутирующего удара уже кулаками поздно махать, тут бы выжить.

Я, наверное, полчаса простоял у подъезда, приходя в себя и мучительно раздумывая о том, куда податься. Ничего не придумал и отправился к Ваське, больше оказалось некуда. Не домой же ехать в родную провинцию, тьмутаракань? Работы там нет, а если и есть, то деньги платят такие, что в глаза людям смотреть стыдно.

Там, конечно, помогут, весь город одна большая, пусть и не очень дружная, семья. Но как родителям в глаза после этого смотреть? Они сейчас уверены, что у меня все хорошо, всему двору рассказывают о том, какой у них замечательный сын.

А как иначе? Живет в Москве, работает в солидной фирме, хорошие деньги получает. Получал, точнее. А теперь бомж.

Нет, лучше к Василию. Он – мой друг. Кажется. В тяжелые времена начинаешь во всех сомневаться. Любимую потерял, работу и жилье тоже. Осталось потерять последнего друга – и точно можно отправляться в бомжи, к трем вокзалам, там примут.

Дорогой я что-то бормотал, сам не понимая что. Плохо мне было. Очень.

Васька, открыв на мой звонок дверь, на чемодан даже не взглянул.

– Ты это... того, раздевайся. Подожди, я там один файл с интернета качаю, довольно забавный...

И убежал, поправив очки. Хорошо ему, один живет в небольшой двухкомнатной квартире, доставшейся от родителей. Они умерли от старости, а может, и оттого, что все придававшее смысл их жизни просто испарилось вместе с социалистическим строем.

Поставил чемодан в прихожей, в которой два человека уже перебор, настолько тесно, и отправился на кухню. Там ничего не изменилось: грязь, паутина, пустые бутылки в углу, полное мусорное ведро. Женщины в этот дом не заходили. Васька далеко не красавец, да и общаться с противоположным полом предпочитает только в сети. Там привычнее, в виртуальном пространстве его знают и ценят.

Зарабатывает там же – сайты создает, раскручивает и продает.

Я выпил мутной от хлорки воды из-под крана, задумчиво глядя в окно на унылый серый двор с покосившимися железными качелями и облезлым грибком-мухомором над песочницей. Всего-то прошло три недели с того нерадостного дня, как уволили, а я уже потерял все, что у меня было. Что же будет дальше? Что еще подкинет судьба, отчего мне захочется волком выть?

Однако... скоро осень. Оглянуться не успеешь, как начнутся дожди, листья облетят и начнется долгая тоскливая зима.

Удастся мне найти работу к тому времени или нет – неизвестно. Сидеть на Васькиной шее не смогу, она у него тоненькая, одним плевком перешибить можно.

Он не богач, одному ему его заработков хватает, а вот двоим вряд ли удастся прокормиться...

В общем, передышка на пару-тройку дней, и надо уходить, иначе у меня друга не останется и буду жить в этом мире один, без еды, одежды и крыши над головой.

– Ты чего с чемоданом? – Василий зашел на кухню и прислонился к двери. – Ирка прогнала?

Я молча кивнул.

– И работу не нашел?

Снова кивок, хорошо, что Васька в курсе моих трудностей, ничего говорить не надо.

– Думаешь о том, сколько мы проживем на мои скудные заработки, и грустишь?

Я пожал плечами. А что тут скажешь? Все ясно, даже ему – человеку далекому от сегоднешнего мира.

– Давай чай пить. – Он отодвинул меня и подошел к плите. Кухонька была не намного больше прихожей, если один стоит, то второй может только сидеть, иначе не поместишься. – Заодно покалякаем о делах наших скорбных...

Я сел. Чай был крепким и горячим, как раз такой, какой люблю. Хотя это хорошо: только когда становится совсем плохо, начинаешь ценить мелочи...

Вечер стал еще лучше, когда Василий достал початую бутылку французского коньяка. Сам ему дарил ее на день рождения. Несмотря на то что прошло полгода, в фигурной стеклянной посуде еще осталось на пару рюмок. Мой друг не алкоголик, а виртуальный человек. Там его жизнь – не здесь, тут одни хлопоты...

Мы выпили. Напиток двадцатилетней выдержки спустился в желудок и зажег там небольшой костер, и мне стало легче смотреть на мир. Глаза уже не так заволакивала тоска, а сердце перестало сжиматься от отчаяния.

Плохо все. Жизнь – дерьмо, но и в ней иногда появляется что-то хорошее. Например, старый добрый друг... и коньяк, а если то и другое собираются вместе, начинает казаться, что в твоей судьбе что-то еще может измениться, наладиться, стать лучше...

– Да... – задумчиво протянул Василий, ставя на плиту сковородку и доставая яйца и колбасу. – Мне тебя не потянуть. Ты вон какой здоровый! Мне и себя-то прокормить не удастся, иногда целыми месяцами хожу по гостям столоваться.

Я откашлялся и согласно кивнул головой:

– Надеюсь, не буду обременять тебя своей персоной долго. Как только почувствую, что становлюсь в тягость, сразу уйду. Все понимаю, просто выхода другого пока не нашел. Когда станет совсем невмоготу, пойду работать грузчиком или сантехником. Амбиции забуду, начну воспринимать жизнь такой, какая есть. Без иллюзий. То есть вонючим дерьмом.

– Амбиции, иллюзии, куда от них деваться... – Василий ловко разбил яйца на сковородку, и сразу вкусно запахло. Есть мне хотелось, с утра не ел, а время к ночи. – В общем, я тут полазил по Рунету и нашел для тебя работу. Сначала сам хотел за нее взяться, да потом понял – не для меня она, а тебе подойдет. И деньги заработать сможешь, настроение поднимется, а там, может, и придумается что-нибудь.

– А что за работа такая, если тебе не подходит, а мне в самый раз? – Если честно, то слова Васьки мне показались какими-то неправильными, наверное, потому что мне хотелось поскулить, пожалеть себя, потосковать о прошлой жизни. Но и сидеть на шее друга я не мог. Он прав, ему меня не прокормить. – Тяжелая? Требуется грубой физической силы?

А про себя подумал: все равно придется соглашаться. Даже если работа окажется такой, что будет мне противна. Но я упал Ваське как снег на голову. Не ждал он меня. Гость не гость, а кормить придется, заодно поить, кров давать, а у него денег нет и никогда много и не было.

– Не знаю, насколько она тяжела, но выглядит достаточно привлекательно для того, кто не связан обязательствами. Работа курьера. Взять что-то из пункта А и отвезти в пункт Б – всего дел. Особой квалификации не требует, ума тоже. Думаю, как раз то, что тебе сейчас нужно.

– И хорошо заработаю?

– Да нет, не очень, но на полгода жизни хватит, если не шиковать.

– Наркотики возить?

– Если бы... – Василий искоса взглянул на меня и усмехнулся, ловко орудуя лопаткой, накладывая мне и себе яичницу с колбасой. Хлеб он нарезал крупными кусками – так, как любил. – За них хорошо платят, но чужому человеку никто не доверится, слишком большие деньги замешаны. Все гораздо проще, прозаичнее. Кто-то не может уехать по роду занятий из Москвы, вот и просит, чтобы привезли что-то очень нужное из далекой провинции...

– Как-то все равно не так. Если очень требуется, то могут и проводники пассажирских вагонов привезти, такие каналы давно отработаны.

– Ну, все не так просто. Как я понял, сначала за этой вещью придется в тайгу сходить, а туда поезда не ходят, зато свежий воздух, природа, парное молоко, медведи, зайцы, лисы...

– Что-то плохо верится в такие чудеса... – Я набросился на яичницу. Господи, как же вкусно! Еда богов! Как давно я не ел домашней пищи! Ирка абсолютно не умела готовить, а может, не хотела. Но, так или иначе, ели мы только то, что можно разогреть в микроволновке, – обычно еду из соседнего кафе. – Думаю, если бы все так было просто, то желающих поработать курьером нашлось бы выше крыши.

– Их немало, в этом ты прав, но для того и существует отбор. – Васька сел рядом на пластиковую табуретку и стал не спеша есть. – Я бы и сам поехал, но уже забыл, что такое природа. Давно живу в каменных, а теперь еще и виртуальных джунглях, где мне знаком каждый закоулок, двор, дом, улица, сайт, файл. Мне нравится запах смазки, асфальта, перегретой пластмассы, а не цветочков и травы. Я – маленький паучок, притаившийся на ветвях небольшого железобетонного панельного дерева, ищущий себе пищу в разбросанной по всему миру паутине.

– Это поэтому ты из дома не выходишь? – вежливо осведомился я, вытирая разлившийся по тарелке желток коркой хлеба. – Боишься, что тебя кто-нибудь съест?

– Я выхожу, – с обидой отозвался Василий. – Просто редко. А свой кусок хлеба нахожу в интернете, и эту работу для тебя там нашел, и даже твои данные послал в качестве резюме.

– Не понял... – Мне не очень понравилась последняя фраза. Не то что я не доверяю паутине и Ваське, но получить работу, не видя работодателя, – как-то все это смахивает на заказ для наемного убийцы. – Что за данные и главное – для чего?

– Не бойся, многого не потребовалось – только твоя биография. Ты когда на работу устраиваешься, обязательно анкету заполняешь?

– И что?

– А то, что ничего сверхсекретного я о тебе не написал, можешь не бояться. Так, обычные данные: возраст, рост, вес, прежнее место работы и еще какая-то мелочь вроде где родился, учился...

– А зачем кому-то потребовалась моя биография? Где жил, учился, страдал? Я правда не понимаю...

– Ты же сам сказал – желающих много, поэтому твое резюме посмотрят и сделают выводы. Если подойдешь, то на электронный адрес письмо сбросят, указание, что и как делать.

– Так что за работа?

– Придется поехать в Сибирь, в мелкий городок, оттуда в какую-то небольшую деревню, там будет ждать провожатый, который доведет до таежного кордона...

– А дальше станет еще страшнее?

– Нет, на этом все страхи кончаются. Заберешь нужную вещь с кордона и вернешься обратно. Деньги по предъявлении предмета. Сто тысяч рублей.

– А без меня привезти эту вещь никак нельзя? Неужели в той дыре нет людей, желающих заработать копейку?

– Вопросы не ко мне. Как я понял, местные жители не хотят с этим предметом связываться. Говорят: тот кордон – место проклятое.

– А как добираться?

– Железная дорога немного в стороне, если судить по карте. – Васька вымыл и убрал сковородку, поставил на стол чашки с чаем. – До железнодорожной станции доберешься, городок там есть, забыл название, потом скажу. Дальше поедешь рейсовым автобусом, они там ходят,

расписание нашел, успеваешь в самый раз. Доезжаешь до городка, которого на больших картах не найдешь, там тебя будут ждать, если я все понял правильно.

– Откуда ты это все знаешь?

– В паутине много чего можно найти, если искать уметь. Однажды на этот кордон ходили любители паранормального.

– И что?

– Не доехали: добрались только до деревни в лесу и убежали оттуда в тот же вечер, хорошо еще, что проводник с ними был, он им помог, а то могли погибнуть, одни болота вокруг, дорог нет...

Я задумался, а потом встряхнул головой. Ну и что?! Подумаешь – проклятое место!

Мало их, что ли, на нашей земле? Местные жители, наверно, уже и не помнят, кто проклял, кого и почему, а ходить туда все равно не станут и детям своим накажут, чтобы те туда не лезли. А я – парень городской, в эти бредни не верю. Съезжу и заберу. Конечно, любители паранормального тоже приехали из города, но только мне про них ничего неизвестно. Может, они трусы были. В лесу волк завыл – они и убежали.

А у меня имеется небольшой опыт хождения по лесам и болотам, все-таки из провинции приехал, а там много чего существует. Лес мне не страшен, за грибами бегал постоянно и по болотам ходил не раз, там лисички растут целыми коврами, одно удовольствие их собирать, если в трясину, конечно, не лезть.

Подумал и согласился:

– Ну что ж, если меня работодатель выберет из множества претендентов, то можно съездить, проветриться, подышать свежим воздухом...

– Тогда собирайся, – улыбнулся Василий. – Завтра и отправишься. Сейчас только твое согласие сброшу – и все.

– Но ты же сказал, что заказчику мое резюме нужно посмотреть?

– Так я его еще две недели назад отправил, когда ты по телефону плакал, что никто тебя на работу не берет. А сегодня утром ответ пришел. Хотел тебе звонить, а тут ты сам появился, мрачный и злой, и я сразу понял, что теперь согласишься, потому как спекся, не выдержал испытания жизнью. Ну что, согласен или писать отказ?

– Подумать надо, – важно ответил я, наливая себе еще коньяка. Теперь в преддверии новой работы мог себе позволить. Приеду, новую бутылку куплю на честно заработанные сто тысяч. – Так говоришь – место проклятое?...

– Это местные считают, а мне все равно, что там у них...

– А проводника не пугает проклятие?

– Он тебя только до кордона доведет, дальше придется идти самостоятельно, но, как мне объяснили, недалеко, чуть больше пары километров...

– Подожди. – Я недоуменно нахмурился. – Так предмет этот, получается, не на кордоне?

– Чуть дальше, там то ли поселение когда-то было, то ли еще что-то, может, избушка охотничья – в общем, строение какое-то из камня. Что ты ко мне пристал? Я в этих местах не был, всю информацию вытащил из паутины. Думаю, потому и деньги приличные платят, что идти от кордона придется дальше самому. Провожатый расскажет, в каком направлении двигаться, и все непонятное объяснит.

– Почему-то мне кажется, что деньги эти небольшие, – задумчиво потер я лоб. – Уж больно все как-то непросто, с подвохом. Как сам-то считаешь?

– Там написано: возможна премия – один миллион деревянных рублей. – Васька вдруг нахмурился, и я как-то понял, что он хотел с этого заказа тоже кое-что получить. – Если, конечно, уложишься в сроки и все сделаешь правильно...

– Какие сроки?

– Выезжать надо через пару дней, но лучше раньше. В письме есть дата, к которой надо успеть.

– А деньги на дорогу? Снаряжение? Командировочные? Расходы в оплату входят?

– Если ты согласен, то сейчас отправлю сообщение, и мне скинут по электронной почте всю информацию. Спрошу и о командировочных. Так что?

Я сделал вид, что задумался, потом выпил. Коньяк пошел мягче, приятнее.

Итак, ехать или не ехать? Как только задумался, так сразу и понял, что выбора-то на самом деле и нет. Васька, как я понял, на нулях, денег у него нет, кормиться нечем. Он будет по гостям ходить, а я?

Без денег не проживешь. Вот и снова получается, что надо браться за эту работу, тем более дело вроде выгодное и большого ума не требует. Добрался до деревни, сходил в тайгу с проводником до какого-то там кордона, потом еще дальше до проклятого места, взял там икону или какой другой предмет культа, а потом обратно. Уложился в сроки, могут и премию дать – миллион деревянных рублей, а это деньги нормальные, с ними можно долго жить и не голодать...

– Отправляй письмо, я согласен.

Вася ушел, а я продолжил пить коньяк и чай, правда, отсутствовал друг недолго, минут пять, пришел, выпил и объявил:

– Согласие твое принято. Все, что нужно, получаешь на вокзале перед поездом, в том числе и командировочные, а также снаряжение – только мне размеры твои нужны.

– Поездом?! – Видимо, на моем лице многое проявилось, и Васька заржал как ненормальный. Я хоть в Сибири ни разу не был, но примерно представляю, где она находится. А дорога на этом не закончится, до деревни тоже надо как-то добраться, в лучшем случае автобус, в худшем – попутка. Впрочем, это он мне уже объяснял. – Если так спешат, то могли бы и билет на самолет купить. Это ж сколько мне придется добираться до места назначения?

– Поездом туда и обратно, таково условие, и оно обязательно, я тебе это уже говорил.

– А почему такие сложности?

– Мне-то откуда знать? Ты что, поездом никогда не ездил? Что так встревожился? То тебе все равно, где работать, то выступаешь. Может, повезешь прибор какой-нибудь, их нельзя в самолетах возить, особенно сейчас, когда все против террористов борются.

– Прости! – Я, успокаиваясь, взмахнул рукой. – Чего-то в голову ударило, наверно, коньяк. А что за прибор?

– Это я так думаю. – Васька вздохнул. – Не забывай, у меня вся информация через паутину, а там не все говорится, потому как ФСБ не дремлет.

– А может, не прибор?

– Если хочешь, я спрошу, но думаю, не стоит. Давай размеры своей одежды и обуви...

– Спроси... – Я уже настроился на дорогу, даже капризничать стал. Действительно, Василий прав, именно такая работа мне сейчас и нужна. Съезжу, проветрюсь, успокоюсь, а если здесь останусь, то точно от тоски с ума сойду. – А размеры пиши. Пятидесятый, рост третий, нога – сорок три.

– А ты пока свежий чай завари, весь уже выдул.

Васька ушел, и скоро я услышал басовитое гудение мощного вентилятора его компьютера. Я набрал воды из крана и поставил чайник на газ, мрачно глядя в окно. Солнце садилось в темные тучи, завтра будет дождь. А может, и не будет, любой большой город дождевые тучи отгоняет. Вверх поднимается столько сажи, выхлопов от машин, дымов с фабрик и заводов, что это все, смешиваясь с тучами, служит катализатором выпадения осадков не хуже специальных смесей.

Климат изменился и продолжает меняться, только никто разобраться не может – то ли это от людей, то ли сама природа ведет себя иначе, чем раньше, то ли мы ничего не знаем...

Из комнаты донесся крик Василия:

– А сегодня можешь поехать? Если согласен, то поезд через два часа с Казанского вокзала. Ну как?

Я задумался. Почему бы и нет? Добраться успею. Метро под боком. Если быстро одеться, то минут через сорок буду там.

– Поеду. Чего тянуть.

– Снаряжение находится в багажной ячейке, номер ее и пароль тебе записал, там же найдешь билеты и деньги. – Василий зашел на кухню и сел на табурет. – Чай пить будешь или пойдешь?

– Наверно, пойду. – Я встал. – Твой номер у меня есть, позвоню, если какие проблемы появятся.

– Ты, может, и не знаешь, но в тайге сот нет, как и телефона.

– Как-нибудь разберемся. – Я вышел на лестничную площадку и нерешительно остановился. – Если новая информация появится, то звони.

– Обязательно.

За спиной щелкнул замок, резко, сухо, словно выстрел. Вот и все, обратно уже не вернешься. Надо идти.

Я начал спускаться по лестнице, недоуменно пытаюсь понять, что же такое со мной происходит? Еще пару часов назад весь мир плыл перед глазами, словно в черном тумане. Грудь от тоски сжималась. Жить не знал как буду. И буду ли вообще, потому что все потеряло смысл.

А сейчас уже мучительно размышляю о том, куда еду, зачем и надо ли это мне?

Ну не смешно ли? И вроде уже не так тоскливо, как раньше, скорее тревожно.

Жизнь – штука забавная, в ней всегда есть место для надежды, благодаря этому и живем. Как-то один мой приятель в подпитии выдал: «Если бы мы знали, что с нами произойдет в будущем, то закончили бы жизнь самоубийством сразу после рождения, только незнание дает нам силу жить, и имя этому незнанию – надежда». Тогда я с ним согласился и после этого уже не раз убеждался, что так все и обстоит.

Даже на смертном одре люди еще на что-то надеются, ибо надежда умирает последней.

На вокзале я открыл железную дверку багажной ячейки с некоторой опаской – боялся, что не увижу ничего. И что тогда? Возвращаться? Глупый розыгрыш? А жить после этого как?

Ячейка оказалась забита основательно, плотно, доверху, и у меня сразу отлегло от сердца. Первое, что попало под руки, – хороший рюкзак, с каркасом, емкий и хорошо наполненный, изготовленный из синтетической, непромокаемой, очень прочной ткани, цвет темно-зеленый – камуфляж.

Такой мешок в глаза не бросается ни в лесу, ни в городе. Огромное количество всевозможных карманов по периметру и внутри. Если плотно закрыть клапан на молнию, то с ним можно даже купаться, вода внутрь никогда не попадет.

Такие мешки туристам не продают. Это для военных, причем элитных подразделений. Спецназ. Видел как-то раз по телевизору, как в Чечне снайперы выдвигались на позицию с такими рюкзаками. Интересно...

Под клапаном желтый конверт из дешевой бумаги, плотно заклеен, внутри что-то шуршит. Вскрыл.

Итак, что мы имеем? Билет на поезд. Отправление... через час. Хорошо.

Посадочный талон выписан на мое имя, и все данные вбиты точно. Правильный номер и серия моего паспорта. Васька его не знал, да и я, если честно, не очень хорошо помнил. Интересно, откуда моему нанимателю известны такие вещи?

Впрочем, в наше время можно найти данные на любого. Паспорт каждого человека проходит через сотни рук, и видят его много глаз: в банке, в кассе, на почте, выборах, в отделе кадров, в той же службе занятости – мало ли где еще...

Допустим, где-то остался мой след, а человек знает, где и что искать...

Что еще? Деньги. Тридцать тысяч рублей. Неплохо, но не здорово...

Не знаю, какие цены в глубинке на продукты и все остальное, но, думаю, этого хватит на неделю, если не селиться в роскошных гостиницах и не питаться в приличных ресторанах.

А возвращаться обратно на что?

Так, и это учли, под деньгами билет на обратный проезд. Хорошо. Число? Десять дней мне на все про все. Надо успевать, иначе останусь в глухой провинции без средств к существованию. Выжить, конечно, в глубинке можно, люди там еще волками не стали, но лучше не стоит. Значит, нужно успеть к поезду.

Так, что там ниже? Ага, небольшая карта, скачанная с интернета и распечатанная на принтере, на ней красным кружком показана деревня с названием Любина, она для понимания обведена фломастером, а к ней прилеплен листок, на котором напечатано что-то вроде путевода. Все расписано подробно, словно для идиота – то есть, похоже, для меня.

Читаю: добраться поездом до областного города, билеты прилагаются, дальше отправиться к автовокзалу, расстояние пятьсот метров, идти по улице такой-то.

Хорошо, понял. Что дальше?

Ага. Взять билет на автобус до города такого-то, расписание есть, фломастером обведен нужный рейс, дальше номер телефона, по которому следует позвонить по прибытии. Встретят и отвезут дальше. Имя того, кому звонить, указано. Кирилл.

На дне конверта пластиковая карта Сбербанка и небольшая записка, набранная на компьютере: «Здесь пятьдесят тысяч на непредвиденные расходы. За них придется отчитываться. Если затраты будут признаны необоснованными, то их вычтут из вашего вознаграждения».

И все. Ни подписи. Ни имени. Ни числа. Сухо как-то очень – по-военному.

Но зато все ясно. Хорошо, что мне дают резерв денег на непредвиденный случай. Негусто, но все-таки лучше, чем ничего. Я открыл рюкзак. Одежда. Свитер. Военные высокие ботинки. Носки. Крепкие штаны. Куртка. Все из той же хорошей, непромокаемой ткани, что и рюкзак. Опять камуфляж. Что ж, неплохо...

Надевать не стал, сразу увидел, что на бирках стоит мой размер. На ботинках и куртке точно.

В общем, все не так плохо, даже хорошо. Всегда мечтал в такой одежде походить. Военные всякую ерунду не носят, предпочитают то, что телу полезно и в чем можно дождь пережить и мороз. Здорово!

Надеюсь, после этого приключения все эту одежду и ботинки мне оставят, даже уверен. Куда им девать поношенные штаны?

А я после возвращения стану ходить по городу, как бритоголовый, они такую одежду любят, можно будет загнать за неплохие деньги, попав в очередной денежный кризис.

Настроение у меня поднялось после увиденного. Как-то сразу повеселел. Жить захотелось еще больше.

Закинул рюкзак за спину и направился на перрон. Объявили посадку. Поезд уже стоял, вытянувшись вдоль перрона, обычный, ничем не примечательный.

Пятый вагон, купе, жаль, не СВ, но... пойдет.

Сиденья мягкие. Забросил рюкзак под полку и вышел на перрон. Очень хотелось курить. Я бросил пару месяцев тому назад. Ирка настояла. Если бы знал, что у нас с ней потом произойдет, не стал бы даже пытаться. Мучился, да и сейчас еще тянет, и сны снятся, как затягиваюсь сизым дымком.

Вздыхнул и посмотрел вдоль перрона: много суетящихся людей, одни тащили набитые сумки, другие напряженно смотрели на часы, ожидая отправления.

Я вдохнул клуб табачного дыма, исторгнутый толстым мужиком в расстегнутой рубашке, и мне стало еще более противно, и тут же почему-то насторожился, увидев, как к провод-

нику вагона подошел невысокий, ничем не примечательный мужчина, одетый в джинсы, серую рубашку, с сумкой через плечо. Обычная одежда москвича. Чисто. Аккуратно. Он что-то спросил. Ему ответили. Потом посмотрел на меня, и наши взгляды встретились.

Человек тут же отвел глаза и через мгновение исчез в жужжащей толпе. Мое настроение сразу испортилось, почему-то подумалось, что эта серенькая личность спрашивала проводника обо мне. Точнее, о пассажире, который занял место номер пятнадцать.

Вряд ли проводник мог меня запомнить, но каким-то образом человек все равно знал, что это я. Понял по взгляду – слишком он был пристальным, таким на случайных людей не смотрят. Этому человеку что-то от меня было надо. Точно так...

Вот такие мысли крутнулись в моей голове. Оснований для таких выводов нет никаких. Но я был уверен – все обстоит именно так. Мания преследования. Паранойя.

Хотя... если хорошо подумать: кому я нужен в этом мире? Даже Ирка и та от меня отказалась, предпочла какого-то худосочного парнишку. С работы уволили, потому что и там стал невестребован. Васька отправил меня в провинцию на край земли с каким-то дурацким поручением. Быстро я ему надоел...

Так что думать, что абсолютно незнакомый человек станет мною интересоваться – глупо. Должно быть, крыша едет от тоски и безнадёги. Или не так? Может, это мой неизвестный работодатель проверяет – не обманул ли я его?

А что? Запросто! Он же деньги оставил и рюкзак. Я мог забрать это все и вместо поезда спокойно отправиться домой, а потом ищи меня, свищи...

Но если проверяет, то, возможно, за мной и раньше следили...

От этих мыслей настроение испортилось окончательно, я повернулся и зашел в вагон. По дороге спросил проводника, кого искал серый человек, тот, глядя мимо меня, хмуро ответил:

– Искали женщину с ребенком. В мой вагон не заходили. Место номер пятнадцать. Наверное, поезд перепутали.

Так и думал. Место мое! Спросил женщину, а смотрел на меня!

Минут через пятнадцать поезд тронулся, и началась обычная вагонная жизнь: принесли постель, появились соседи – он, она и ребенок...

Проводник принес чай. Попили, поговорили. Когда стало скучно, полез наверх, уступив нижнюю полку. Не жалко. Наверху спокойнее.

Лег и закрыл глаза, хоть еще не темнело. Но что-то устал сегодня, да и событий произошло достаточно.

Начинался день просто, а закончился непонятно как и непонятно где. Тоска, одним словом.

Колеса стучали, вагон мотало, соседи по купе, он – высокий хмурый мужик, разгадывал кроссворды, она – толстая блондинка с недовольным лицом, все отчитывала за что-то застенчивую девочку лет семи. Слушать это не хотелось, смотреть в окно тоже, поэтому натянул на себя влажную простыню и закрыл глаза. Сам не заметил, как задремал.

Сны снились какие-то дурацкие, в них я пытался что-то доказать своему бывшему начальнику, но как только начинал говорить, появлялся охранник, подносил к моему носу кулак, покрытый рыжими волосиками с татуировкой – «Миша», и я тут же оказывался на улице, причем около своего дома.

А когда открывал дверь, то снова видел, как Ирка сидит на коленях у худосочного парня, подставляя под поцелуи пышную обнаженную грудь, а мне показывала рукой на дверь, крича при этом, что сам виноват во всем. Потому что неудачник. И дурак! И всегда был им! И наверняка им останусь!!!

И что такие, как я, обязательно появляются каждое столетие, чтобы нормальные люди видели и ценили то, что у них есть, иначе жизнь у всех людей в этом мире будет как у меня. А она – сплошное недоразумение!

Грустные это были сны. Я просыпался, снова слушал стук колес и смотрел в окно на очередной маленький вокзал, по ночному перрону которого ходили заспанные зевающие люди, а где-то над ними громко и пронзительно кричал динамик, отправляющий поезда, а его слова подхватывались эхом и носились по воздуху, словно желтые листья.

Потом все начинало плыть, исчезало, и снова во мраке, рассекаемом длинным телом поезда, тянулись темные леса и поля с далекими яркими звездами над ними.

Устав от неясных теней, мелькающих за окном, и темноты, лишь изредка прорезаемой яркими прожекторами станций и разъездов, я снова засыпал, и все начиналось сначала: начальник, охранник, Ирка, обнимающая парня, целующего пышную грудь.

Иногда в эти сны вмешивался маленький неприметный человечек, который искал то ли меня, то ли действительно женщину с ребенком, бродивший по ночным опустевшим улицам. Там властвовал ветер, он таскал по асфальту пластиковые бутылки и другой мусор, поднимая брошенные полиэтиленовые пакеты, взметая их выше шестнадцатиэтажек, а потом обрушивал все вниз, работая как настоящий дворник, пусть неумело, но очень старательно.

А человек ходил по темным улицам явно с нехорошими намерениями, проходя через пыльные смерчи, сбрасывал со своей одежды рваные пластиковые пакеты, принесенные ветром, и снова настороженно уходил во тьму. Я прятался в узких проулках, замирая от страха, а потом куда-то бежал в ночь, в пыль, в холод и страх.

И так всю ночь один кошмар сменялся другим без остановки, и мне это не нравилось. Плохо жить, когда сны и действительность мало отличаются друг от друга. Раньше хоть снилось что-то хорошее...

А под утро приснилось совсем уж странное...

Ночь, бархатная, теплая, с яркими сияющими звездами над головой. Жесткая, высохшая высокая трава под ногами, обутыми в сапоги. И бег непрерывный, тяжелый, усталый. С высохшей глоткой и хрипящими легкими. А где-то рядом долгий пронзительный крик, приближающийся ко мне. Я знал, это смерть гонится за мной. Шансов убежать от нее было немного, но они имелись, тем более что с каждым шагом крепостные стены понемногу приближались. А за стенами безопасно, главное – успеть.

Вряд ли меня кто-то пустит глубокой ночью в город, но рядом с крепостью все равно спокойнее, имелась надежда, что стая отстанет, почувствовав запах людского жилья. Или охранник на крепостной стене пустит несколько стрел в бегущих за мной птицеедов просто от скуки, и они уйдут обратно в степь, поджидая следующего неосторожного путника.

Я обязан добежать и остаться в живых. Умирать мне никак было нельзя. Меня ждала Настя. Клятвенно обещал, что в этот раз обойдусь без приключений, вернусь живым и невредимым. Обещал, а это значило, что птицеедам сегодня не повезло, не придется им попробовать моей плоти.

Каменный тор на груди нагрелся, предупреждая о новой опасности уже впереди.

И это был не зверь, кто-то другой, опасный, обладающий жестким разумом. Кто-то поджидал меня у стен древнего города и явно с нехорошими намерениями. Надо уходить еще дальше. Только куда? За стенами города четвероногая смерть, безжалостная и молниеносная, а здесь долгая и мучительная...

Настя, Настя... зря пообещал.

Я проснулся мокрый от пота, недоуменно глядя в белую решетку вентиляции на потолке покачивающегося на ходу вагона. Колеса стучали. Прохладный утренний ветерок охлаждал раскаленные ступни. Поезд. Все нормально. Спокойно. В окнах туман.

Что еще за Настя? Никогда у меня не было девушки с таким именем. И вряд ли будет. Старомодное оно какое-то.

Я вздохнул, слез вниз и долго стоял в тамбуре, глядя на мелькающие деревья, небольшие полустанки, едва видимые среди серого утреннего тумана, выползающего из далекого леса. Он

прятал луг, речку, петляющую среди темно-зеленой травы, и многое другое, что еще кроме этого находилось в сырой мгле.

Поезд замедлил ход, остановился, и я вышел, чтобы купить картошку с солеными огурцами у какой-то непоседливой старушки на перроне обшарпанного вокзала.

После еды пил чай, потом снова спал под мирный перестук колес.

Не знаю почему, но скоро мне стало очень хорошо. Все показалось неважным. Дурные сны перестали тревожить меня, новые места вытеснили из головы прошлое.

Дорога хорошо лечит душевные терзания. Не помню, кто сказал.

Но он прав. Вся моя прошлая жизнь осталась далеко позади, а здесь неважно, кто я и что со мной. Тут все другое. И люди. И города. Вокзалы...

Можно все начать сначала. Выстроить другую жизнь и снова оставить ее позади, если потребуется. Сейчас важно только то, что впереди. Все остальное – мираж. Дурной сон. Как отличить сон от жизни?

Да никак...

Остается только память, иногда еще шрамы на теле и в сердце: больше ничего. Все проходит, пройдет и это. Так устроена жизнь.

Поезд довольно скоро довез меня до нужного мне областного города, даже выспаться как следует не успел. В поездах спится не так, как в кровати, остается ломота и какое-то странное ощущение чего-то незаконченного, непонятого, забытого.

Я спустился на холодный перрон, покрытый серым потрескавшимся асфальтом.

Далеко за длинным бетонным забором, разрисованным цветным граффити, поднимался многоэтажными зданиями к небу чужой город. Здесь все казалось незнакомым: люди, дома, улицы. Даже говорили не так, как в столице, а растягивая гласные на конце слов, и немилосердно окали. Эта речь звучала как-то мило, хоть временами нелепо.

На мое лицо сама собой вылезла улыбка, а еще через какой-то час вдруг заметил, что и говорить стал так же, растягивая гласные и нещадно окая. Местным я, конечно, не стал, но на меня перестали смотреть как на клоуна в цирке.

Город оказался сильно растянутым в длину и ширину. Большие дома имелись только в центре и у вокзала – громады сталинской постройки, вздымающиеся вверх к голубому небу. За ними вырастали шестнадцати-, девяти- и пятиэтажные бетонные коробки хрущевских и брежневских времен, плавно переходившие в трех- и двухэтажные дома, неизвестно когда выстроенные и кем, а на окраине уже можно найти покосившиеся деревянные избушки.

Я позавтракал в каком-то небольшом кафе у автовокзала, с удивлением обнаружив, что кормят здесь неплохо и недорого, и решил, что, возможно, мне удастся уложиться в ту сумму, что была дана на дорогу. В голове еще стучали колеса, и временами улицы словно плыли в тумане, как за окном вагона. И никак не удавалось отрешиться от ощущения того, что вокруг все нереальное, ненастоящее, придуманное, потому что выглядело каким-то странным и чужим.

Автовокзал находился в паре кварталов от железнодорожного вокзала, именно там, как было написано в инструкции. Билеты имелись, а после плотного завтрака в кафе у меня появилась уверенность в том, что все пройдет хорошо, гладко, и после этой поездки все мои беды и неприятности исчезнут. Черная полоса закончится, и начнется замечательная, белая, когда сбываются все мечты и желания, даже случайные. Это старый способ обмануть судьбу – убежать от сложившихся обстоятельств. Уехать. Улететь.

Пока тебя нет, они исчезнут сами собой, развеются, перекинутся на кого-то другого... Вернувшись, продолжишь жизнь как раньше – беззаботно, весело, счастливо...

Сейчас нужно действовать только по путеводителю, и проблемы обойдут меня стороной. Я всего лишь курьер, мое дело – взять икону, прибор или что-то другое и отвезти в столицу.

Все остальное приходится на долю того, кто это придумал, – на серенького невзрачного человечка, который следил за мной, пусть он расчищает препятствия передо мной.

После того как купил билеты на автобус и внимательно прочитал расписание, настроение у меня снова испортилось.

Автобус уходил через полчаса, время в пути до пункта назначения – девять часов. Однажды я уже как-то добирался пять часов до одного городка на обычном автобусе и помнил, чего мне это стоило. В конце пути то место, на котором сидел, превратилось в нечто плоское, твердое и очень болезненное – несмотря на многочисленные остановки.

Я помнил, как уже через пару часов во мне проснулось какое-то непонятное звериное чувство. Мне хотелось выть, рвать волосы попутчиков и бежать рядом с автобусом по желтой пыльной траве. А потом я погрузился в какое-то беспамятство, в ступор, в котором не замечал ничего вокруг, словно находился в глубоком трансе. Не видел того, что мелькало за окном, а звуки доходили до меня словно через толстый слой ваты.

Я дремал, чувствуя, как мягкое место превращается в камень, терпел и ждал, когда все наконец закончится.

Я понял, что меня ожидает, и работа курьера мне уже не показалась столь привлекательной, как раньше, наоборот, решил, что это очередная добавка к моим мукам, к тем, что уже испытал. Черная полоса продолжалась. Меня ожидал новый круг ада. Тоски, разрывающей грудь, судьбе показалось мало, и она захотела измучить мое бедное тело. Болью. Усталостью. Оступением.

Никогда так остро не чувствуешь своего одиночества, как в дороге. Именно в ней понимаешь, насколько ничтожен мир, как мелки твои мысли и ты сам. Перед тобой проносятся города и деревушки, в которых живут люди, они мучаются и страдают, как ты, и в конце концов умирают, так и не поняв, зачем жили.

А все твои желания и надежды, как бы ни были для тебя дороги, пусты и незначительны.

Автобус подкатил за пять минут до отправления – темно-коричневый «Икарус» – и с тяжелым придыханием открыл дверь. Пассажиров оказалось немного, едва треть салона заполнилась. Я сел на свое место, как приговоренный на электрический стул, и обреченно закрыл глаза.

Мягкое покачивание, гудок, и мы поехали. На удивление, в этот раз мне было не так плохо, как когда-то давным-давно.

Я засыпал и снова просыпался, выходил из автобуса на тех остановках, где имелся туалет и, как правило, какая-нибудь забегаловка, в которых кормили дорого и невкусно, как и во всех придорожных кафе. Это немного спасало от монотонности пути. Приятно почувствовать твердую почву под ногами, ощутить запах зелени, услышать крик птиц. От неприятного транса не спасает, но немного размягчает филейную часть, чтобы она могла продержаться еще какое-то время.

Расстояние до того городка, что мне был нужен, медленно, но неуклонно сокращалось, и чем меньше оно становилось, тем больше поднималось настроение.

Под вечер автобус медленно подрулил к автовокзалу. Я вытащил свой рюкзак и побрел по площади, покрытой пыльным, грязным, потрескавшимся асфальтом.

Прошло всего пять минут, а вокруг меня не осталось ни одного человека – мои попутчики разошлись по домам. И остался в чужом городе никому не нужный, уставший и ничего не понимающий человек, который добрался до места.

Гонец. Курьер. Он добежал, но его сведения уже устарели.

Я достал путеводитель и еще раз прочитал.

Все верно. Городок тот, что необходим. Требуется позвонить некоему Кириллу, и он отвезет меня дальше – в таежную деревню.

Я бросил рюкзак на пыльную скамейку и достал телефон. Первый звонок сделал Василию, пусть знает, где я, – на всякий случай:

– Добрался до первого пункта и все еще жив...

Пусть единственный друг знает, где искать мое брненное тело, если что. На душе у меня сразу стало легче и спокойнее. Голос Васьки услышать было приятно. Среди чужого окающего говора, к которому так привыкло ухо, его голос прозвучал как ручеек в пустыне, бодрый и веселый:

– Вот и молодец! У меня новостей никаких, так что все нормально. Ты сейчас куда?

– Написано – деревня Любина, в скобках дописано – заброшена.

– Там связи нет. Так что теперь позвонишь, только когда обратно поедешь. В этом городе последние соты, дальше пустыня, точнее, тайга. Буду ждать твоего звонка.

– Чего-то меня жуть берет. Представляешь: вокруг тишина, ни одного человека, даже автовокзал пустой, дежурная только что его закрыла и ушла домой. Если никто не появится, даже не знаю, что делать. Гостиница у них здесь есть?

– Ты не тушуйся, тебе там не жить. Возьмешь то, что надо, и обратно. Через неделю будешь в Москве, но уже с деньгами. Разве плохо? А гостиница... есть, она где-то в районе базара.

– А где базар?

– Ты меня спрашиваешь? По-моему, ты находишься в глуши, а я смотрю на монитор.

– Придется искать базар самому...

– Тогда пока. Звони на обратном пути. Короткие гудки. Я вздохнул и пробормотал в трубку:

– Пока. До встречи.

Конечно, из Москвы все видится простым и ясным. Сам бы так ответил тому, кто оказался бы на моем месте. Не волнуйся. Все прекрасно. Ничего с тобой не случится.

Но только я здесь, делать нечего: назвался груздем – полезай в кузов. К тому же половина дороги пройдена, теперь что вперед, что назад – разницы нет, но лучше вперед, там хоть смысл какой-то имеется – вознаграждение светит.

Настроение у меня после этого разговора стало лучше, даже жить захотелось. Действительно, чего испугался? В маленьких городках маньяки и убийцы не живут, они в крупных городах обитают, а тут все на виду, все друг друга знают. Это в Москве вечерами страшновато, здесь не найдешь не то что бандита, вообще кого-то...

Люди по домам сидят, телевизор смотрят... один я непонятно где.

Глава 2

Я достал путеводитель и стал набирать номер телефона, который там был записан. После долгих гудков, когда я уже решил, что никто не ответит, послышался недовольный мужской голос:

– Чего надо?

– Простите, это Кирилл? У меня записан ваш номер, мне его дали в Москве.

– Григорий Петров?

«Если железнодорожный билет купили на мое имя, то чему удивляться? – подумал я. – Обо мне, похоже, знает уже каждая собака в этой стране».

– Да, это я.

– Где сейчас находитесь?

– На площади рядом с автовокзалом.

– Никуда не уходите, я сейчас подъеду. Как вас узнать? Я огляделся по сторонам – по-прежнему никого. Один.

Понемногу темнеет. Солнце уже спряталось, зарево на горизонте еще осталось, но оно скоро погаснет, и наступит ночь – такая, как бывает в провинции: густая, наполненная далеким лаем собак и мычаньем коров. Даже звезды здесь другие, более теплые, что ли.

Ветер несет в себе незнакомые запахи, а точнее – давно забытые: воды, свежей листвы и зеленой травы. И почему-то этот покой не даст заснуть...

Я вздохнул.

Дома вокруг вокзала стояли двухэтажные, через сотню метров плавно переходили в одноэтажные избушки с деревянными обветшалыми заборами...

Городок – одно название, жителей от силы тысяч тридцать наберется, а может, и того меньше. Откашлялся, голос сиплый, наверно, пыли наглотался, пока на автобусе трясся:

– Узнать меня будет легко. Сiju на вокзальной площади один-одинешенек, как тополь на Плющихе.

– Ах... да, извините, забыл, время позднее. Сейчас буду. Вы меня тоже легко узнаете. Я езжу на черном «бумере». Песню слышали?

– Приходилось.

– Тогда ждите.

Буквально через пару минут послышался звук мотора. Сразу возникло ощущение, что ко мне двигался единственный автомобиль на весь город, даже собаки перестали лаять. Насторожились, а может, и перепугались.

На площадь из-за угла вывернуло черное авто «БМВ», дребезжа и потрескивая, выстреливая сизыми выхлопами в стороны. За рулем сидел рыжий парень с добродушным лицом, которое плотно покрывали веснушки. Остановился рядом со мной и выключил двигатель. Сразу стало необычайно тихо.

– Григорий?

Я еще раз огляделся. Никого. Выходит, ошибиться трудно. Спросил на всякий случай:

– Настоящий «бумер»? Что, и вправду все девчонки твои?

– У нас в городе люди и покруче машины имеют, – с непонятной мне обидой ответил водитель. – А моя «бэшка» когда-то была очень хорошей машиной, конечно, сейчас почти металлолом, но я и купил ее по цене ржавого железа. Садись, поедem в деревню, а то скоро стемнеет, и тогда придется отложить поездку на завтра, а не хотелось бы.

– А почему не хотелось бы?

– Завтра будет завтра, – туманно ответил парень. – А сегодня есть сегодня.

Я бросил рюкзак в багажник.

– Далеко ехать, и главное, как долго?

– За час, может и, доберемся. – Парень нажал на газ. – Хорошо, что дождей уже пару недель не было, иначе нам по грунтовке бы не проехать. А пока сухо, так одно удовольствие. Дорога твердая, дави себе на педаль и смотри по сторонам, любуйся природой. Правда, особо увлекаться этим не стоит, в темноте можно налететь на поваленное дерево или лося сбить...

Машина бежала бойко, несмотря на постоянный скрип и стук, доносившийся из-под капота. Через пару минут асфальт кончился вместе с городом, мы проскочили мимо дюжины покосившихся деревянных домов и вывернули на разбитую, прорезанную глубокой колеей грунтовку.

– Здесь леспромхозовские «Уралы» ходят, они эту дорогу за лето в хлам превращают, хорошо, что осенью и зимой все восстанавливается, само собой заплывает грязью...

– А я думал, что в городе переночую, даже узнал, что у вас гостиница есть где-то возле базара. – Я зевнул. – Устал, считай, третьи сутки в дороге.

– Так сначала и планировалось, я номер в этой гостинице бронировал. Конечно, у нас гостиница на пять звезд не тянет, но жить в ней можно, точнее, спать. А потом из Москвы позвонили, сказали, что времени мало остается.

– Кто позвонил? И времени мало остается... до чего?

– А ты, значит, ничего не знаешь? – Кирилл покосился на меня, но тут же отвернулся: с дороги не стоило сводить глаз, крутые спуски сменялись не менее крутыми подъемами, да и выбоин хватало, кроме того, со всех сторон стоял лес. – Ни куда едешь, ни за чем? Забавные вы люди, москвичи...

– Я и на самом деле ничего не знаю, а почему мы забавные?

– Если не знаешь, то и я ничего не скажу. Не объяснить. Трудно.

– Почему? Я понятливый.

– Тут дело не в понятиях, а в жизненном опыте. Кое-что, конечно, скажу: этот хмырь из Москвы уже третий год таких, как ты, ребят сюда присылает. Но все бесполезно...

– Что значит – бесполезно?

– Нашел москвич где-то упоминание в старых летописях о наших краях и о чудесах, которые здесь происходят, вот приехал сюда и стал всех расспрашивать. Сам сначала в тайгу пошел, но далеко не ушел, у него не получилось – черный лес пропускает не всех. Думаю, и у тебя не получится дальше пройти.

– Почему не получится?

– Слушай, парень! – Кирилл хмыкнул. – Я бы тебе рассказал, да смысла нет. Сам скоро все узнаешь. А мне деньги плачены только за то, чтобы я тебя привез на место и обратно забрал через неделю.

– И все-таки: почему мы – москвичи – такие для вас забавные?

– Историю тебе сейчас одну расскажу, сам все поймешь. – Он лихо повернул на крутой пригорок, и мы покатались с огромной скоростью вниз, навстречу сваленному дереву, которое перегородило дорогу. На нем еще не опала зеленая хвоя. Похоже, выворотило недавно. Я уперся спиной в сиденье, а ногами в днище, ожидая страшного удара, но в последний момент парень вывернул резко вбок, мы пронеслись под мохнатой елкой. Ветки проскребли по крыше, Кирилл снова рванул руль, и машина каким-то чудом вновь оказалась на разбитой грунтовке, лишь слегка царапнув дном о твердую землю.

– У нас медведи водятся. Стрелять их не разрешают лесники, но мы здесь все друг друга знаем, так что договариваемся. Так вот, медведь летом вполне нормальный зверь, потому что сытый, а значит, и людям зла не делает. Еды им хватает, ягодников у нас навалом растет, и муравейников по лесу наткано немало. Так вот, прошлым летом москвич встретился на кордоне с медведем лицом к лицу, морда к морде. И что, ты думаешь, он стал делать?

– Улепетывать?

– Если бы... – Кирилл ухмыльнулся. – Он сначала портмоне достал, начал медведю деньги предлагать, мол, бери все, только не трогай. Словно перед ним не зверь лютей, а разбойник какой-то.

– Смешно... – Я засмеялся, представив, как предлагаю деньги медведю. Одновременно у меня в груди похолодело. С медведями, правда, до этого не встречался, а с волками было дело, до сих пор поджилки трясутся. – И страшно...

– Так мы ему потом объяснили, что баксы у нас звери не берут, им их запах не нравится, они же русские звери и признают только рубли.

– А он?

– Поверил, сказал, что в следующий раз запасется рублями. Нравится история?

– А чем она закончилась, ты так и не рассказал...

– Да ничем – зверь рявкнул и ушел, а москвич обмер, на землю упал, так и лежал, пока его Сергей Сергеевич не нашел, никак не мог с земли подняться, ноги его не держали.

– А вот в этом не вижу ничего забавного, – вздохнул я. – А кто такой Сергей Сергеевич?

– Это тот, кто тебя от деревни дальше к кордону поведет. Нормальный мужик. Тертый. Битый. Хоть и интеллигент. Медведя точно не испугается. Он из бывших ссыльных, а там выживали только настоящие мужики, при встрече с которыми медведю надо бояться, а не их ему.

– А ты тоже не боишься?

– Я первый раз медведя встретил, когда мне семь лет исполнилось, за ягодами ходил. Малинник тогда в лесу большой вырос, ягоды сладкие, крупные. Звери тоже туда ходили лакомиться. Так после этой славной встречи с косопалым до дома бегом добежал, а это, почитай, километров двадцать, и при этом мчался без передыха. Разговор-то не об этом...

– А о чем?

– О том, что суется вы, москвичи, туда, где ничего не понимаете. Вот и ты скоро попадешь в такое место, где деньгами от смерти не откупишься. Тебе что, жить надоело, если подписываешься на то, чего не понимаешь?

– Кирилл... – Я вздохнул. – Ты можешь думать все что хочешь. А на самом деле история простая: я без работы остался, моя девушка с другим связалась, из дома меня выгнала. Жить-то на что-то надо, вот мне друг и предложил эту работу.

– Хорош друг! – Кирилл резко вильнул, объезжая лужу. – С такими приятелями и врагов не надо...

– Ты это о чем?

– Ни о чем, так просто. – Парень резко повернул прямо в густой ельник, мохнатые ветки застучали по кузову, потом машина неожиданно выскочила на небольшой пригорок, под которым виднелась деревня, прилепившаяся к небольшой речушке. – Приехали. Дальше дороги нет. Так что продолжение пешком. Тебе вон к той избушке, что первой к нам стоит.

Кирилл резво выскочил из машины, не глуша двигатель, вытащил мой рюкзак и бросил его на высокую траву. Я неохотно вылез, не понимая, что происходит.

– Куда идти, сказал?

– Здесь заблудиться негде, деревня внизу, называется Любина. – Паренек дал по газам. – Тебя там ждут.

Короткое мгновение – и я остался один, только вдали слышался затихающий стук и скрежет.

Я растерянно посмотрел вслед «бумеру», потом на быстро темнеющее небо и понял, что просто стоять здесь нельзя – опасно. Хоть и лето, а темнеет скоро, особенно в лесу. Что-то не заметил, чтобы у деревни столбы стояли, думаю, об электроэнергии здесь только слышали. Схватив рюкзак, потащился вниз.

На ходу достал телефон, аппарат произвел поиск, но сети не нашел. Все как Василий говорил. Час езды от городка, километров тридцать, не больше, а связи уже нет. Я отключил телефон и убрал в карман. Электроэнергии здесь нет, а зарядка может понадобиться. Не сейчас – позже, когда снова доберусь до цивилизации.

До первого дома осталось метров тридцать, и я вдруг понял, что обливаюсь потом от тяжести рюкзака, но больше от страха и влажности, которой был насыщен воздух.

Выглядело все вокруг как в мрачной сказке. Хороша деревня Любина – три дома, разваливающихся от старости. Ни дороги, ни света, ни звука...

Вот! Теперь я понял, что меня насторожило. Обычно в таких селениях всегда держат собак, они голос подают, когда чужого чуют, и зверя отгоняют. А тут тишина – ничего и никого...

И темнеет прямо на глазах.

Я, конечно, не коренной москвич, в лесу бывал, зверье встречал, но даже у меня озноб пошел по коже.

Что-то в этой деревушке было не так. У меня, к несчастью, ни фонаря, ни какого-нибудь оружия. Может, что-то в рюкзаке и есть, да только не сейчас, в темноте, в него лезть. Я выругал себя за отсутствие любопытства и излишнюю доверчивость.

Такая беспечность имеется только в городских жителях, все они со временем привыкают к покою и безопасности. Город – искусственная среда, из которой насильственно убрано все, что может повредить человеку, а значит, живущие в нем становятся беззаботными и самоуверенными.

Конечно, в городских джунглях существуют свои опасности, но они исходят только от людей. Не сомневаюсь – любой деревенский житель давно бы весь рюкзак перевернул и знал бы, где у него что лежит, так... на всякий случай.

Действительно, москвичи – люд забавный.

Никогда до этого не задумывался над тем, как живут в таких местах. Здесь же имеется все: змеи, медведи, волки, лисы и мелкое, но часто не менее опасное зверье, а вот «скорой помощи» нет.

Если поранишь себе ногу или руку, то помочь будет некому, тут даже телефон не работает. Я еще раз включил, поднес трубку к уху, потом посмотрел на надпись светящегося экрана – сеть не найдена – и снова отключил.

Точно никто не поможет. И если окажется, что в этой деревне нет ни одного человека, то беда. Я не знаю, где нахожусь. До городка мне точно не добраться, даже дорогу, по которой меня привезли, не найду. А значит...

Ох, и глупости начинают в голову лезть, когда мы лишаемся знакомой искусственной среды – родных бензиновых джунглей. Чего бояться?

Все равно не пропаду. Залезу в избушку и буду в ней спать до утра. Да и не бывает так, чтобы никого не было, кто-то здесь все равно должен жить. Недалеко от города. Места красивые, хоть и мрачные.

Я еще раз осмотрелся: ни из одной трубы дым не шел, окна темные, хоть бы в одном свеча мелькнула или керосиновая лампа. Неужели брошенная деревня?

Таких сел много по Руси...

Вот повезло так повезло! Может, у них бизнес здесь такой: молодые ребята приезжают сюда якобы за чем-то, а их тут ловят и на органы разбирают...

Только где клиника? Там электричество должно быть.

Подошел к первой избушке и внимательно ее осмотрел, пользуясь тем, что хоть что-то еще можно было разглядеть в быстро сгущающемся сумраке.

Дом оказался нежилым. Понял, даже не подходя. Маленькие окна не больше полуметра, дверь дощатая, а перед ней торчит кол, упертый в деревянное крыльцо.

Все понятно – хозяев нет. Читал о таком. Раньше замки были не в моде и воры не водились. Да и как они могут существовать в трех избышках? Все друг друга знают, вся утварь на виду, лишнего ничего не держат. Если у меня что-то пропадет, я пойду к соседям и свое обязательно найду, если не сегодня, то завтра. А жить потом в этой деревне как – если станет известно, что я вор?

В городах другое дело, там никто друг друга не знает, не любит и не уважает, поэтому зло быстро распространяется от безнаказанности.

А в такой деревне могут избавиться от любого. Тайга большая, примет тебя, как родного, только обратно уже не вернешься – съедят тебя, если не звери, так насекомые и черви, и тело никто не найдет: трава поднимется и закроет кости.

Да и искать никто не будет: место глухое, один милиционер на десяток вот таких поселений раз в год приедет, и то только для того, чтобы акты о смерти написать...

Вторая избышка мне больше понравилась. Правда, маленькая, три на три, место внутри только для небольшого тамбура, полатей да печки. В нее, правда, тоже можно было не заглядывать, и она оказалась закрыта на деревянный кол. Но я зашел на всякий случай, а вдруг ночевать придется? Место заранее искать надо, уж слишком быстро темнеет.

Я пошел дальше, чувствуя, как начинает от страха колотиться сердце. Не нравилось мне это место, ох, как не нравилось. Точно отсюда одному не выбраться...

Сделав еще пару шагов, охнул от неожиданности. Сначала даже глазам своим не поверил.

У третьей избышки сидел мужик и курил самокрутку. Думаю, меня давно заметил, но не окликнул. Только когда подошел ближе, лениво спросил:

– Кого-то ищешь, человек хороший?

– Ищу. – Я подошел и сел рядом на теплое крыльцо, доски к вечеру прогрелись от косых лучей солнца. И что-то мне так хорошо стало, даже жить захотелось. Наверно, тело отходило от пережитого страха. Сбросил рюкзак, который хоть и весил немного, а все равно с непривычки плечи натер, вдохнул глубоко чистый, пахнувший травами, лесом и рекой воздух.

Внутри словно что-то стало отмякать, тревога ушла, растворилась в надвигающемся сумраке. Ничего не могло со мной случиться здесь, в этой тишине и покое. Даже говорить не хотелось, но ответил:

– Сказали мне, что в этой деревне ждет меня Сергей Сергеевич, это не вы случайно?

– Может, и я. – Мужичок пыхнул самокруткой. – Курите? У меня самосад хороший, сам в лесу выращиваю, он от этого становится пряным и злым, у непривычного человека из глаз слезу вышибает. Поэтому не всем предлагаю, только смелым и не очень умным.

– Спасибо за предложение и сомнительный комплимент, но не курю, бросил, два месяца уже табачный дым в себя не вдыхаю.

– И как ощущения?

– Плохо! Иногда волком хочется быть. А когда чужой дым вдохну, так внутри все переворачивается.

– Понятно, в этом могу помочь, травки дам лесной попить, легче станет, а то, что бросили курить, юноша, без всякого сомнения, очень хорошо. Значит, сила воли есть. Получается, и с умом нет большого напряжения, а это в сегодняшние дни большая редкость. Все спешат поймать птицу удачи за хвост, а ловят в основном ее помет. – Мужик с кряхтением встал.

Я попробовал рассмотреть его, хоть в темноте трудно что-либо разобрать. На ногах вроде и сапоги кирзовые, это понятно, без них в деревне никак, на плечах ватник, тоже обычная деревенская одежда, но не летом, а под ним пестрая чистая рубашка. Рост не меньше моего, может, даже больше на пару сантиметров. – Ну что, пошли?

– Куда?

– В избу. Время позднее, ночь на дворе. Спать надо ложиться. В лес сейчас не пойдешь, не видно ничего, сучком глаз выткнешь или ногу сломаешь в овраге или лошине. Здесь их

много, чащобы дикие, для ходьбы не приспособленные. Все дела на завтра, конечно, если они у нас с вами, молодой человек, есть.

Я даже в темноте ощутил на себе цепкий, колючий, непростой взгляд. Меня осматривали, изучали за внешним проявлением дружелюбия.

Тайга. Здесь каждому человеку рады, но и о тебе узнают быстро. Если что-то не понравится, то отправят подальше в лес, а там природа сама с тобой разберется. Считается, что чистый сердцем человек дорогу к людям найдет, и зверь дикий его не тронет, а кто с темной душой, тот обратно не воротится, сгинет.

Просто так грех на себя никто не возьмет. Для того чтобы убить кого-то, нужны серьезные основания. Да и незачем, тайга сама обо всех позаботится. Своего рода чистилище. Так дед мне рассказывал, он из Сибири, откуда-то из этих мест.

Легче всего избавиться от неуютного человека, просто направив его в такое место, откуда ему самостоятельно не выбраться. Болот в тайге хватает, даже следов не останется, тело исчезнет в трясине. В кино смотреть забавно, как кто-то ворочается в черной или зеленой жиже, а выбраться не может, даже кажется смешным и глупым. Вроде как плыви или вылезай, неглубоко же – а на самом деле выбраться из трясины без чужой помощи невозможно.

Мне это известно, попадал в болото один раз еще мальчишкой, до сих пор помню ощущение своей беспомощности – что ни делаешь, а только хуже становится, болото тянет к себе вниз, тянет, а зацепиться не за что.

От этих мыслей я как-то стал жестче, собраннее – понемногу городская мечтательность из меня стала уходить, сменяясь трезвым практицизмом. Действительно, умереть в таких местах легко, а выжить трудно. Да и человеческой жизни цена здесь совсем иная, чего не понимают городские люди. Тут ты никому не нужен, искать никто не станет, а свою полезность для других сначала доказать требуется...

Избушка оказалась небольшой, внутри места еще меньше, чем снаружи...

Маленький дощатый столик, прилепившийся у окна, там же печка-буржуйка с железной трубой, выходящей через прорезанное в стене специально для нее отверстие.

Сейчас она топилась: на железном листе, закрывающем сверху, стоял закопченный алюминиевый чайник и фыркал, позвякивая крышкой.

Воздух спертый, как всегда бывает в небольших непрветриваемых помещениях, дух дыма и смолистых дров, еще каких-то сгнивших тряпок – такие запахи обычно витают в брошенных домах.

Эти избушки живут своей жизнью: некоторые быстро разваливаются, другие, наоборот, приобретают дополнительную прочность и стоят века.

В городах все неживое: дома, улицы, залитые асфальтом, мебель и та из пластика. А здесь все сделано из того, что под рукой: камень, дерево, мох, – и имеет свой запах и свою энергетику.

Я прижался к бревенчатой стене, из которой неровными пучками торчала серая пакля, пропуская Сергея Сергеевича.

Изба показалась мне странной, никогда до этого ничего подобного не видал, даже не слышал о том, что кто-то так строит.

Две широкие скамьи в два яруса. Ощущение такое, словно попал в купе вагона. Пригляделся. Очень похоже. Тут и хозяин подтвердил:

– Специально устроил все так, как в вагоне. Нравится? Меня из-за нее Проводником все стали звать.

– Так вас из-за этой избы прозвали? А не потому, что дорогу на таежный кордон знаете?

– И за это тоже, – кивнул Сергей Сергеевич, зажигая что-то вроде свечки. На заводское производство это не походило, похоже, этот человек сам их сделал, взяв пчелиный воск. Запах, когда свечка разгорелась, поплыл по избушке и в самом деле медовый. Мне очень понрави-

лось. Словно ладан курящийся. – Народ у нас темный, внешние отличия быстро замечает, а внутренние качества, присущие только одному, не видит. Чаю не желаете, юноша?

– Конечно, если у нас купе, то чай будем пить обязательно. Жалко, спиртного ничего нет. Не успел. Все слишком быстро происходило, с метро на поезд, с поезда на автобус, с автобуса на «бумер», а с ним сюда. Ох, и рычит у него мотор!

– Автомобиль Кирилла не спутаешь ни с каким другим. Это надо же, как хорошее авто можно угробить! Но немцы молодцы! Сумели сделать такую машину, которая не разваливается даже от старости. Выпить у меня есть, да только не знаю, стоит ли, мне, например, пока не хочется...

– А я бы выпил... – Мое тело просило спиртного, все-таки три дня в дороге, тяжело с непривычки. В голове все перепуталось. Что за страна? Отъехал чуть от столицы, и уже все чужое, странное, непонятное. А если еще дальше – к чукчам, совсем потеряешься? – А что за напиток предлагаете? Водку?

– Заводского не пьем. Нет у нас веры в сегодняшнее производство. Новые хозяева в гонке за прибылью испортили исконно русский напиток, согревающий сердце и веселящий ум, и превратили его в наркотик, убивающий если не похмелем, так ядами, в нем образующимися.

– А... – понимающе покивал я, выслушав, готовясь выпить нечто жуткое, убивающее одним запахом, обжигающее желудок. – Самогон?

– Можно назвать и так. У нас тайга, ягод хватает, а перегонный аппарат из города привезли, когда борьба с алкоголем начиналась, люди тогда ожидали репрессий со стороны власти. Кстати, не знаете, юноша: кто тогда победил – государство или алкоголь?

– Алкоголь, государство погибло в неравной борьбе...

– Так я и думал. – Мужик залез куда-то под лавку и вытащил стеклянную бутылку литров на пять, наполненную мутной темно-зеленой жидкостью, я такую посуду только в кино видел – кажется, штоф называется. – Налью немного, не потому что жалко, просто завтра нам тяжелый поход предстоит, а вам с непривычки тяжело будет. А питье хорошее, как раз такое, что и требуется после трудного пути.

Он налил жидкость в алюминиевую кружку, запахшибанул в нос: пахло непонятно, но ясно сразу, что этот напиток очень крепкий. Градусов семьдесят. Может, больше.

– Беспокоиться не стоит, – успокоил Сергей Сергеевич, глядя, как я недоверчиво принохиваюсь. – Это не совсем самогон, а эликсир, на травах настоящий, я его пью, когда болею, любую хворь снимает в момент. И нюхать его не стоит, иначе пить трудно станет...

– А вы давно в городе были? – Я выплеснул жидкость себе в рот, морщась и уже заранее готовясь к неприятному вкусу, но, к моему удивлению, он оказался нежный, хоть и несколько странный. Жидкость опалила слизистую рта и горла и скользнула вниз в желудок, там сразу зажегся огонь. Спиртовые пары ударили обратно в нос, и я икнул.

– Давно. – Мужик разлил пахнущий травой крепкий чай по алюминиевым кружкам и протянул мне. – Запейте, юноша, вам легче станет. А что мне там делать?

– Ну, в городе много чего есть. – Я выпил горячую пряную жидкость, разбавляя самогон, или эликсир, как его назвал Сергей Сергеевич. Определенно желудку после чая стало лучше. – Кино, телевизор, электричество, телефоны, факсы, компьютеры, вокзалы, интернет опять же...

– В городе всегда развлечений хватало, да только никому счастья все эти игрушки не дали. Или все не так?

– Какое счастье? – не понял я. – Это вы о чем сейчас спрашиваете?

– Вот вы, юноша, счастливы?

– Если брать конкретно меня, то, наверное, нет. – Я вздохнул и отпил горячей горьковатой и в то же время очень ароматной жидкости, ощущение было примерно таким, словно в хороший чай капнули немного коньяка и рома, но при этом алкоголь в чае не чувствовался. Впрочем, его во мне уже и так хватало, внутри бродило что-то от выпитого эликсира, и чув-

ствовал я себя при этом как-то странно: у меня то ноги начинали холодеть, то, наоборот, разогревались так, что пот начинал из всех пор бежать, и в то же время не могу сказать, что неприятно – наоборот, очень даже ничего, просто необычно...

– Меня жена из дома выставила, когда ее с другим парнем застал...

Сам не знаю, чего это меня на откровенность потянуло. Может, действительно на меня так самогон действовал?

– Понятно. – Мужик кивнул. – В общем, все как всегда. Ничего в вашу жизнь новые игрушки не принесли, все осталось таким же, как и было. Все те же измены, все тот же вопрос, кто кого круче. И царь над всей грызней...

– Президент...

– Неважно название – важна суть, а она одна и та же, разница, как правило, номинальная. Один правит по закону крови, другой по закону о выборах, а все одно – правитель.

– Без него в России нельзя...

– Это так: дай нам силу, дай нам власть, помогите не пропасть...

Я вдруг поймал себя на мысли, что этот человек разговаривает очень свободно, легко использует различные слова, в том числе и редко употребляемые. Не похож он на деревенского мужичка, ох, не похож, есть в нем что-то непонятное, скрытое,стораживающее...

– Вы говорите так, словно получили хорошее образование...

– Так оно и есть, разве вам Кирилл не сказал? Или ваш работодатель? Я из ссыльных, но когда-то, давным-давно, служил профессором Петербургского университета.

– Что?!

– Вы не удивляйтесь, юноша. Тут в этих местах много странного. Если всему дивиться станете, то с ума быстро сойдете. Нужно принимать все окружающее таким, каким видите, иначе беда. Как начнете искать скрытое и непонятное значение во всем нас окружающем, так мозги сразу и накренятся.

– У меня крепкие мозги, их так просто не накренишь, лишнего в голову не беру. – Я снова прислушался к себе, эликсир еще бродил по моему телу, но уже действовал иначе: мне не хотелось спать, пот перестал выходить, в желудке устойчиво горела маленькая печка. – И при какой же власти сослали? При царской? Советской? Нынешней?

Это я попытался пошутить. Сергей Сергеевич выглядел лет на сорок, так что царя никак не мог захватить.

– Советы путевку на каторгу дали, как раз семьдесят лет тому назад, но образование получил до революции и профессором стал тогда же...

– ?!! Что?!! Так сколько же вам лет?! – Я опешил. По словам профессора выходило, что ему давно за сто. Если врет, то какой в этом смысл? Мне вообще-то все равно, кто он, так что обманывать смысла никакого нет. И вообще мне нужно только эту вещь с кордона взять и отвезти обратно в Москву. И живите вы здесь как хотите, придумывайте себе жизнь. – Не выглядите вы на свои лета.

– Да, правда, выгляжу я хорошо благодаря здоровому образу жизни, тайга хвори хорошо лечит, но обсуждать это не будем, как и мой возраст. Чай выпили? Вот и замечательно. Теперь пора спать, а то Дрема придет, он любит по ночам в этих местах шататься, так люди говорят...

– Дрема?

– Молодой человек! – Сергей Сергеевич заговорил профессорским тоном, даже лицо изменилось, стало строгим, каким-то лощеным. Откуда у мужичка такой взгляд? Или свечи у него такие? Или эликсир? Отчего-то все начинает видаться совсем другим. – Очень невежливо повторять последние слова. И вообще разговор, который ведется в форме множества вопросов, называется допросом. Простите, но такого общения досыта нахлебался в свое время, поэтому и сейчас не терплю. А допрашивали меня такие же молодые и столь же невежественные молодые люди, как и вы, и было это чрезвычайно печально, а временами и болезненно...

– Извините, просто все как-то необычно и странно, – пробормотал я, не собираясь ссориться. – Простите, но во многое вами сказанное трудно поверить.

– Да, поверить трудно, особенно сейчас, когда наука заняла место религии, а во времена моей юности верили в мощь природы. – Профессор посмотрел со странной грустью в огонь. – Когда теряется истинный смысл, всегда приходит время удовольствий, но кончается это большой войной...

– Странно вы как-то рассуждаете...

– Все в этом мире повторяется, и каждый раз обидно за людей, живущих в этот миг. Впрочем, простите меня, юноша, это я лишнее говорю, брюзжание старого человека. – Сергей Сергеевич дунул на свечку и растянулся на лавке. – Прочее невыясненное станем договаривать завтра. Ночь – время для сна еще и потому, что нечисть вылезает, а воевать с нею в ее время себе дороже.

– Нечисть?

– Снова задаете вопросы, юноша? Опять допрос? Потерпите до утра и сами все узнаете.

Я пожал плечами и заворочался на лавке, пытаюсь лечь так, чтобы мне не было так жестко. Спать мне не хотелось, хотелось поговорить: самогон, настоянный на травах, все еще волновал мою кровь:

– Извините, но то, что вы говорите, не укладывается в мою голову. И в то же время не пропадает ощущение, что вы меня разыгрываете. О какой нечисти говорите? Вы считаете, что она существует. А что это такое? Мне вообще-то все равно, но за окном двадцать первый век, вся нечисть, мне кажется, сдохла после того, как вырубili леса.

– Юноша, смирись с тем, что все узнаете позже. Кстати, думаю, вы пожалеете об этом еще не раз.

– О чем?

– О новых знаниях, в них будет много печали.

– Смешно...

Сергей Сергеевич вздохнул:

– Давайте спать, юноша. Ночь не время для дискуссий. Сутки потому и поделены на светлое и темное время, чтобы каждый мог выжить – и светлый, и темный. Бог милосерден и понимает больше нас в том, что создал. Закрывайте глаза. Завтра будет новый день, и никто не знает, что он кому принесет, поэтому лучше оказаться к нему подготовленным, выспавшимся и бодрым.

Я вытянулся на жесткой скамье. Одежда, как понял, в этом купе не полагалось. Правда, холодно мне не было, скорее наоборот – эликсир гулял во мне, поднимая температуру и настроение и понемногу расслабляя.

Минут через пять сон все-таки накатиł на меня мутной пеленой...

Профессор закрыл дверку печки, и стало невозможно темно. Такого мрака в городе не бывает, там всегда что-то за окном светится. А здесь ничего... тишина какая-то странная, с криками, далеким ревом жутких зверей и плеском рыбы в реке.

Я начал погружаться в сон, а может быть, и уже заснул, как тут это случилось. Избушка вздрогнула и заворочалась, словно стояла на куриных ногах, как в известной детской сказке о Бабе-яге. Раздался тонкий вскрик, непонятный, чужой и близкий. Потом послышался тяжелый удар по бревенчатой стене.

– Дождались, – вздохнул Сергей Сергеевич. – Лежите тихо, юноша. Не шевелитесь, может, чудище само уйдет...

Он потянулся к окну, за что-то там дернул, и послышался звук захлопываемых ставней.

– Еще надо дверь подпереть, надеюсь, сруб поднимать не осмелится, а то совсем плохо будет.

– Кто это? – испуганно спросил я. – Что за чудище?

– Конкретно не знаю, но вряд ли оно пришло к нам с добрыми намерениями. – Профессор подошел к двери и набросил дополнительно на дверь брус, служащий, как я понял, засовом; едва он это сделал, как послышался глухой удар, и дверь затрещала. Одна доска прогнулась, и только брус помог полотну выстоять. – Думаю, теперь оно в дверь не войдет. Теперь остается ждать утра, раньше не успокоится, раз почувала пищу...

– Это нечисть?

– Я же сказал, что не знаю!

– Что вы называете нечистью?

– Есть чистые создания, сотворенные богом, и есть нечистые, созданные дьяволом, – так считает простой народ. Я же называю нечистью все, что не существовало в этих местах раньше, а пришло сюда извне.

– Извне?

В ответ новый тяжелый удар, от которого избушка, как мне показалось, подлетела на полметра вверх и снова вернулась на землю.

– Нет, что-то сегодня происходит не так, до утра не продержаться. – Профессор подошел к двери и начал убирать брус, сначала один, потом второй. – Этот зверь нам весь дом разнесет, увлечся очень добыванием пищи. А людей он не боится, потому как пришел не из нашего мира.

– Что вы делаете?! – выкрикнул я, боюсь, в моем голосе прозвучала истерика. Мне и на самом деле стало страшно. Даже протрезвел. Кто-то ломал избушку и при этом обладал мощностью экскаватора. Вряд ли это медведь, у того нет такой чудовищной силы, чтобы поднять дом на полметра вверх одним ударом. Я вжался в стену и почувствовал, что в спину мне дует – между бревен образовалась щель, и довольно приличного размера.

– Спасая нас! – Сергей Сергеевич открыл дверь, что-то бросил и захлопнул снова, накладывая брус. – Ишь, привязался! Уходи, зверь невиданный, поищи другую, более легкую добычу.

В дверь ударили с еще более мощной силой. И тут раздался визг. Он, похоже, весь состоял из ультразвука, потому что у меня сразу челюсть заныла, а внутри появилось ощущение, что мое тело пытаются распилить на части, каждая косточка отзывалась болью.

Когда я уже решил, что мне не выжить, все стихло, а в стороне послышался звук тяжелых удаляющихся шагов.

– Что это вы нечисти бросили?

– Ультразвуковая граната. – Профессор сел на свою лавку, тяжело дыша. – Дает яркую вспышку и очень неприятный звук, никто не любит – ни люди, ни звери. Любимая игрушка спецназа, мне их пару десятков москвич привез как раз для таких случаев.

Он налил в темноте что-то в кружку и протянул мне.

– Пейте, юноша, мой эликсир – хорошее средство для укрепления нервов.

Я взял кружку, но выпить у меня не получалось – зубы бились о холодный металл от страха. Каким-то непонятным образом сумел сделать над собой усилие, поймал момент и вылил в рот пахнувший травами самогон. Действительно помогло. Сердце тут же перестало колотиться – по-моему, даже раньше, чем горячая жидкость достигла желудка.

Внутри снова вспыхнуло пламя. Я поставил кружку на столик и почувствовал, как меня повело и все закачалось передо мной.

Едва успел распластаться по лавке, как меня тут же потянуло в темную глубину сна, где кричали звери, а избушка распадалась по бревнышку, и я оставался один на один с невероятно ужасающим существом, состоящим из костяных игл и огромных зубов.

Утром проснулся неожиданно бодрым и энергичным. В городе мне всегда требовалась чашка кофе для поднятия жизненного тонуса, а тут чувствовал себя свежим, бодрым, словно и не провел три дня в дороге, а вчера не дрожал от страха перед чем-то невероятно жутким.

Внутри тела ничего не болело, похмелье как таковое отсутствовало, настроение замечательное.

Попытался вспомнить хоть один сон, но ничего в памяти не застряло, только осталось ощущение тягостного недоумения и ужаса.

В маленькое окошко сквозь густую паутину, в которой, кстати, хорошо просматривался маленький паучок и его добыча – десяток высохших мух, бил яркий желтый луч. Солнце взошло.

В городе мы не так воспринимаем светило, оно для нас необязательно, да мы его почти и не видим в наших каменных джунглях, двигаемся то под землей, то под крышей домов, трамваев, автобусов. Здесь среди полумрака избушки оно почему-то показалось мне неестественно ярким, желтым и жарким.

Я встал и пошатнулся. Все тело ломало так, словно вчера меня избивали пудовыми кулаками и ногами. А все потому, что не привык спать на жесткой поверхности.

Сразу вспомнился однокурсник Генка Козырев – высокий и сутулый нескладный малый, которого отец пытался выпрямить народными средствами, для чего заменил матрац на доски.

Так он и спал на простыне, которая лежала на твердой ровной поверхности. Выправить это его не выправило, он так и остался длинным, тощим и сутулым, зато приобрел великолепное качество – спать на любой поверхности. Обычно ложился на пол, расстелив газету в качестве простыни, и всегда прекрасно высыпался.

Вот ему я сейчас и позавидовал, охая и ахая от боли, с трудом заставляя себя двигаться, чтобы выбраться наружу.

Сергей Сергеевич стоял на заросшей травой улице и делал непонятные упражнения. Я такое только в кино видал, когда показывают главного героя, занимающегося кун-фу или другим азиатским искусством боя. Вот сейчас передо мной разворачивалось именно такое действо.

Профессор подпрыгивал, наносил удары, переворачиваясь в воздухе и делая невероятные сальто, и снова бил руками, ногами и, кажется, даже головой, стараясь достать невидимого противника.

Никогда не видел ничего подобного, хоть сам когда-то занимался карате, надеясь на то, что это поможет мне противостоять уличным хулиганам. Правда, надо признать, особого таланта для единоборства во мне не обнаружилось, как и гибкости, необходимой для хороших результатов, поэтому дело закончилось тем, что просто стал чуть смелее и увереннее в себе.

Впрочем, этого мне вполне хватило, чтобы ходить по улицам с гордо поднятой головой и не опускать глаз при встрече с такими же, как я, прыщеватыми юнцами. Дрался пару раз, и битые тренировками навыки мне помогли получать наименьший урон.

Так вот, в боевом искусстве, которое демонстрировал Сергей Сергеевич, все было иным. Совсем другой стиль. Удары наносились не кулаком и ребром ладони, а открытой рукой, да и блоки иначе ставились. Стойки другие, захваты, прыжки...

Правда, больше поражало не само искусство боя, а то, что профессор имел замечательно мускулистое тело, которому позавидовать можно.

Сам я рыхлый, как большинство моих сверстников, это и понятно: с детских лет у компьютера, такое никого не красит, не делает сильнее и выносливее.

Наши родители носились по улицам, соревнуясь в силе, быстроте и храбрости, а мы же вяло плелись до школы и обратно, ненавидя физкультуру с первого класса, отдыхая только на уроках информатики.

Профессор, заметив меня, остановился, блестя на солнце потной кожей, похожий чем-то на рыцаря, одетого в золотой плащ. Кстати, из одежды на нем имелись только черные плавки с белой чайкой впереди.

Он поклонился мне по-восточному, сложив руки у груди, я поклонился в ответ так же, как он. Получилось эффектно, вроде как: мы тоже не лыком шиты.

– Как спалось, любезнейший юноша?

– Спасибо, не очень хорошо, – хрипло отозвался я. – Очень жаль, что в вашем купе не дают матрацы и одеяла, от сна на досках у меня все тело болит.

– А у меня нет, привык уже, и вы привыкнете. Зарядку делать не собираетесь? Помогает...

– Спасибо, не обучены мы такому баловству, нам бы кофе и желательно контрастный душ для поднятия тонуса.

– Контрастного душа не имеем, как и кофе, а мыться извольте на речку, полезно и приятно.

Я посмотрел на берег, на котором росла высокая ярко-зеленая трава, блестящая росой, как бриллиантами, и поежился. Даже отсюда, с пригорка, было видно, какая она холодная и мерзкая.

Но делать нечего, назвался непонятно кем, спи неизвестно где и умывайся там, где укажут. Я повернулся, чтобы зайти в избушку, да так и замер с открытым ртом: вчера заходил в небольшой аккуратный домик, в котором все было хорошо и правильно устроено, а теперь передо мной стояли развалины.

Сруб покосился, часть стволов оказались разбитыми до половины, словно в них били чем-то твердым и тяжелым. Повсюду на траве валялись огромные щепки, на бревнах виднелись глубокие светлые борозды, словно кто-то пытался порвать их когтями, и так почти до самого верха.

Если это сделало чудовище, то оно имело рост явно не меньше, чем два метра в холке, или умело подниматься на две лапы, как медведь.

Под ногами на утопанной земле виднелись глубокие следы с вдавленными когтями. Я зябко повел плечами. Такое чудовище вряд ли остановили бы бревенчатые стены или дверь.

Сергей Сергеевич наблюдал за мной, как показалось, с непонятным мне удовольствием.

– Кто это был? – спросил я внезапно осипшим голосом. Мне сразу захотелось обратно в столицу. – Что за зверь такой ужасный? Медведь?

– Вряд ли, – пожал плечами профессор. – Вероятно, кто-то из тумана...

– Из тумана?

– Опять вопросы, – вздохнул Сергей Сергеевич. – Юноша, пожалуйста, не надо ничего спрашивать, у меня нет простых ответов, а к сложным объяснениям вы пока не готовы, знаний соответствующих нет.

– У меня, между прочим, высшее образование, – обиделся я. – Читать и писать умею.

– Верю, только знание у вас не того мира, здесь оно почти бесполезно. Идите лучше умывайтесь, нам пора двигаться дальше.

– А на речке безопасно? – Я посмотрел через плечо на луг, сверкающий выпавшей ночью росой в свете солнца. – Может, и там кто-то водится?

– В этой речке живет только рыба, но для вашего спокойствия сам искупаюсь, после зарядки сие есть огромное удовольствие, а вы возьмите мыло или что там нужно для умывания.

Я осторожно вошел в избушку и снова ужаснулся, увидев огромную щель за лавкой, на которой спал, – в нее свободно можно было засунуть руку или лапу с когтями и оторвать мне огромный кусок мяса из спины, – и еще раз зябко передернул плечами.

Осторожно взял зубную пасту, щетку, мыло и направился к реке, скрипя всеми суставами и чувствуя, как тянет каждую мышцу тела.

Профессор находился уже на речке, плавал от одного берега к другому, периодически ныряя. Это меня сразу успокоило: если он – местный житель – не боится, значит, и мне беспокоиться не о чем.

Сама речка оказалась небольшой – метров двадцать шириной: если хорошо разбежаться, то можно перепрыгнуть тройным прыжком. Жаль, вода не держит.

Но все равно решил попробовать, разделся, разбежался, добежал до берега, но уже у самой кромки воды ноги оплела высокая густая трава, и я, потеряв равновесие, со всего размаха рухнул в воду.

Хорошо, что ничего себе не отбил, хоть и упал метров с двух, зато измазался в глине, которая тут же смылась, выплыл на середину и нырнул в глубину. На дне я понял, чем занимался Сергей Сергеевич: оказывается, у него по дну речки разбросаны морды, сплетенные из ивы.

Вот он их и проверял и понемногу набивал садок, висящий на шее, жирными желтыми карасями и небольшими окуньками.

– Вы купайтесь, а я их сейчас пожарю, – крикнул он мне. – Не торопитесь, мне потребуется минут пятнадцать – двадцать.

Он вылез и ушел, а я еще понырял, поплавал, потом не спеша почистил зубы, оделся и вернулся обратно к деревушке. В избушке двоим находиться, оказалось, совершенно невозможно. Не предназначалось это место для жизни, годилось только для сна. От рыбы, жарящейся на огромной чугунной сковородке, исходил одуряющий, невероятно вкусный запах. Все скворчало, брызгалось жиром, словно говоря о том, что делать мне здесь нечего.

Я вытащил рюкзак на улицу и сделал наконец то, что давно должен был сделать, – посмотрел, что же мне дали в Москве.

Сверху, сразу под клапаном, лежала одежда: штаны, футболка, куртка. Все цвета хаки с темными пятнами – камуфляж.

Одеяние прочное из натуральных и синтетических тканей, похоже, настоящее армейское. Ниже лежали двое трусов и носки. Х/б. Размер мой.

Немного подумав, во все это оделся, уложив городской наряд в рюкзак в боковой карман, места он занял немного, одежды на мне имелось всего ничего: рубашка, джинсы и кроссовки. Потом полез глубже.

В качестве обуви мне предлагались высокие военные ботинки на шнуровке, на толстой рубчатой подошве, твердые, непромокаемые и прочные, – в таких драться хорошо, одним ударом можно из любого гопника дух выбить.

Надел их, завязал шнурки, подпрыгнул. Ничего, ходить можно, даже по-своему неплохо. Приятно. Жаль, зеркала нет, наверняка похож на настоящего вояку – крутого мужика, перекусывающего стальными зубами дуло пушки танка и плевком сбивающего вертолет «ягуар».

Что еще у нас есть? Ниже лежал запасной комбинезон, настоящий, плотный, с молнией. Если в него влезть, то оказываешься словно в гидрокостюме, все плотно прилегает, везде резинки, стягивающие ткань, – ни пыль, ни грязь внутрь не попадут. Не знаю, для чего его мне положили. Слышал, что в такой одежде спелеологи ползают по пещерам. Но мне-то он для чего?

Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят, глядишь, еще и пригодится как запасная одежонка. Что еще?

Ниже обнаружился нож в твердых ножнах. Настоящий. Спецназ. С зачерненным лезвием, с пилкой, с откручивающейся крышечкой на рукояти, там находилась иголка с ниткой, пара крючков и леска с поплавком – настоящий набор для выживания в дикой природе. А крышечка сделана как компас.

Прикрепив нож к ножнам, можно получить ножницы для разрезания колючей проволоки. Совсем неплохо. С таким ножом чувствуешь себя уверенно, кажется, что справишься даже с тигром или медведем – игрушечным, конечно, а не с ходячим экскаватором, который вчера чуть не разгромил избушку. Для такого зверя нужен ракетный гранатомет, скорострельный пулемет или автоматическая пушка.

Так, посмотрим, что еще мне положили...

Хороший, крепкий, широкий ремень из синтетической ткани. Прочный. Сделан в несколько слоев, при желании можно размотать и получить веревку метров десять длиной.

Такое увидел в первый раз, похоже, нечто новое, недавно изобретенное.

И на дне рюкзака пять пакетов, легких, небольших, в пластике. Можно держать даже под водой, и ничего не случится. Видел по телевизору, поэтому знаю, что это суточный набор пищи для воина спецназа.

Проще говоря – сухой паек. Позволяет продержаться неделю в любом месте планеты, нужна только вода.

Фляжка тоже нашлась – пластиковая, покрытая тканью, прочная, легко крепится к поясу.

Под пакетами лежала аптечка, в ней перевязочный материал, йод, жгут, фиксирующие повязки и разовые шприцы с чем-то, чего я не знал, – возможно, обезболивающее и наркотики – может, амфетамины. Тоже спецназ, другим такое не дается.

С этими препаратами можно обходиться без сна, не чувствуя боли и усталости. Кажется, тот, кто меня послал сюда, в эту глубинку, хорошо дружит с военными, раз ему дают то, что не продают в магазинах и не выдают геологам.

Такое снаряжение идет под грифом «Секретно».

Шприцами я пользоваться не собирался, поэтому сразу убрал в боковой карман рюкзака, подальше от греха.

Под аптечкой нашелся коврик для сна – синтетический, мягкий, на нем можно спать на сырой земле и даже на снегу. Вот вчера что мне было нужно! Если бы догадался положить себе под спину, то не чувствовал бы себя сегодня таким разбитым. Не посмотрел, что в рюкзаке. Ума не хватило. Теперь мучайся.

Когда мешок опустел, то в боковом кармане обнаружилась небольшая куртка из неизвестной мне ткани, тоже камуфляж, непромокаемая, ветром не продуваемая – мечта любого туриста.

Больше ничего, снаряжение на этом кончилось. Дали все, что необходимо для небольшого похода. Очень неплохо, учитывая, что все это достанется в личное пользование после выполнения поручения.

– Недурственно, – услышал я в подтверждение своих мыслей голос профессора за спиной, он улыбался, разглядывая меня, точнее, то, во что я был одет. – Одежка как раз для леса. Егерская?

– Спецназ, – важно ответил я.

– Это что-то вроде лесничих? – улыбнулся Сергей Сергеевич. Пошутил он так. Я-то помнил об ультразвуковой гранате, которую Проводник ночью бросил в зверя. Знал профессор, что такое спецназ, и явно лучше, чем я, раз их оружием умел пользоваться. – Лесное братство?

– Это солдаты... только самые лучшие.

– Понятно, – покивал Сергей Сергеевич. – Для профессиональных воинов подходит, им тоже приходится по лесам бродить. Завтрак готов. Желаете жареной рыбки?

– Не откажусь.

– Тогда поедим на свежем воздухе. – Профессор скрылся в избушке. – Стол во дворе.

Действительно, за избушкой обнаружился деревянный стол и лавки. Я сел и вздрогнул, услышав тяжелый предостерегающий рев. Ни жив ни мертв, ожидая самого худшего, повернул голову и увидел бурого медведя с огромной головой, с интересом глядящего на меня. Впрочем, какой он бурый? Коричневый. Длинная шерсть так и лоснится. И интерес ко мне проявляет явно гастрономический, облизывается...

Зверь по всем параметрам небольшой, примерно с меня – если встанет на задние лапы, то одного роста со мной будет. Знаю, что бывают и больше, но мне и такого хватит. Вон какие когти, сантиметров по семь каждый, да и зубы приличные, такими рвать мясо хорошо да кости перекусывать.

Сначала я просто не поверил своим глазам, хоть внутри что-то оборвалось и больше никак не соединялось.

«Денег ему, что ли, дать, чтобы не лез? – некстати подумал я, вспомнив рассказ Кирилла. – У меня как раз рубли в кармане... Тысячи хватит?»

Во двор вышел профессор, лавируя между поленьев, разбросанных по двору, прошел к столу, с облегченным вздохом поставил чугунную сковороду на стол.

– Думал, уроню. Что?! – Он взглянул на меня. Думаю, я был бледен как смерть. Мне было страшно. Я смотрел, как за спиной Сергея Сергеевича медведь на четырех лапах не спеша брел к столу.

В таком виде его голова находилась на уровне моих глаз. Я ошибался, зверь оказался немаленький. Встать я не мог от разлившейся внутри слабости. Правда, это и хорошо, если бы побежал, эта зверюга враз меня догнала. Причем легко. Помнил, что медведь может развить скорость не меньше, чем лось или олень.

Да и бежать было некуда: единственный выход со двора перекрыла огромная туша, покрытая густой шерстью.

Проследив за моим сумасшедшим взглядом, профессор улыбнулся:

– А... вот и ты, туняец. Где был, когда я рыбу ловил? На запах пришел?

Медведь что-то громко проворчал и показал острые клыки. Впрочем, меня больше пугали его когти, каждый больше моего пальца, темные, загнутые и очень острые.

– Этот человек нам не враг, он к нам по делу, не пугай его. Сергей Сергеевич протянул руку и потрепал медведя по густой шерсти.

– Рыбки я тебе сырой оставил, сейчас вынесу. – И строго: – Лежать! Видишь, наш гость боится. Умер!

Медведь опрокинулся на спину и так замер в нелепой, смешной позе – кверху лапами. Если бы это было в цирке, возможно, я даже засмеялся бы, а тут только слабой ватной рукой вытер пот со лба. Сердце стучало, как сломавшийся хронометр, – быстро, суетливо и очень громко.

Еще в голове мелькнула мысль:

«Наверно, вот так и приходит смерть. Еще немного страха, и будет инфаркт».

Профессор внимательно посмотрел на меня и мягко улыбнулся:

– Вы, юноша, этого зверя не бойтесь, он мой старый приятель, я его еще маленьким подобрал, сам выходил, он меня слушается и без команды не нападает. Придется в дом за рыбой идти, иначе покоя нам от этого побирушки не будет. Он большой любитель поесть, а ловить сам не умеет. Обычно, когда я на реку иду, там ждет, а в этот раз что-то оплошал. Наверное, той зверюги, что приходила ночью, испугался. Может, столкнулся с ним, а может, следы унюхал.

– А кто являлся ночью? – Это я спросил с перепуга. Решил, что у Сергея Сергеевича все звери ручные, подкормленные. – Тоже ваш приятель?

– Вряд ли. Вероятнее всего, кто-то из тумана – существо из другого мира, бывает здесь такое, объяснить пока ничего не могу, просто примите на веру...

Он говорил, а я смотрел на лапы, повисшие в воздухе, и хитрые глаза, наблюдающие за нами. Этот зверь все понимал, и ему нравилось прикидываться послушным. Но разве может быть послушной огромная зверюга в двести килограммов весом, обладающая огромными острыми когтями и не менее страшными клыками? Нет, такое существо никому не подчиняется, оно само по себе и делает то, что считает нужным.

Сергей Сергеевич ушел в дом, а я сидел не шевелясь, по-моему, даже старался не дышать, и от этого в груди появился плотный комок страха, который все больше душил меня.

Профессор отсутствовал минуты три, которые мне показались вечностью, потом появился, неся небольшой алюминиевый тазик, в котором лежало килограмма три рыбы, и

поставил перед косяком. Тот тут же перестал притворяться мертвым, перевернулся и начал с чавканьем грызть рыбу, придерживая посудину лапой.

Много времени ему не понадобилось, уже через пару минут рыбы не стало, медведь вопросительно посмотрел на профессора и втянул шумно воздух огромным черным влажным носом. Я тоже наконец-то вдохнул в себя воздух, и, думаю, так же шумно, кажется, даже в легких что-то захлопало.

– Больше нет, – развел руками Сергей Сергеевич. – Ты иди, а мы следом за тобой пойдем, нам нужно к кордону, проследи, чтобы нам никто не помешал. Видишь, наш гость боится...

Косопалый кивнул, потом еще раз кивнул, словно понял, что ему сказали, шумно вдохнул в себя воздух и направился к выходу со двора, переваливаясь с ноги на ногу. Огромный, темно-коричневый, уже не страшный, потому что зверь уходил...

Мгновение – и его не стало, остался только тяжелый запах мокрой шерсти, который постепенно развеял легкий ветерок, несущий в себе запахи травы и реки.

– Что ж вы не едите, юноша? Неужели аппетит пропал?

– Похоже, вам нравится меня пугать. – Я медленно кивнул. – Ночью от страха трясся, и вот сейчас тоже. Хорошо еще, что медвежья болезнь со мной не случилась.

– Зачем мне вас пугать, юноша? Не вижу в этом никакого смысла. Все само собой происходит. У нас не город, а тайга, здесь зверья хватает, в том числе страшного и очень опасного. Но вы, юноша, собрались на кордон, а по дороге туда и не такое можно увидеть...

– Например?

– Не могу сказать, каждый раз встречается что-то свое. Поверьте, места здесь странные, дальше будет страшнее, поэтому приготовьтесь к тому, что будет весьма жутко, и не раз. Могу обещать только одно: напрасно этим страхам вас подвергать не стану, наоборот, постараюсь провести так, чтобы вы никого не увидели и на нас никто не напал, но это может и не получиться. Кстати, вам, юноша, известно, куда вы направляетесь?

– Мне сказали – на какой-то таежный кордон, который местные жители считают местом проклятым, поэтому ни один из них туда по собственной воле не пойдет, какие бы деньги ему ни предлагали.

– Так и есть, туда никто не ходит.

– Но вы-то, профессор, надеюсь, не верите в эти суеверия?

– В суеверия я действительно не верю, но кто вам сказал, что дело в них? – Сергей Сергеевич неопределенно хмыкнул. – К несчастью, там все реально, без какой-то мистики, но этого не объяснить.

– А просто нельзя рассказать?

– Ваше поколение привыкло к тому, что в сегодняшней жизни все просто и ясно, а это не так – наш мир сложно устроен. В нем существует многое, о чем мало кто знает. А большинство ученых и вообще все эти явления отрицает, потому что они в их видение мира не укладываются. Потому не смогу я вам рассказать то, о чем вы не имеете ни малейшего понятия.

– Зря вы так говорите, профессор, – поморщился я. – Не привыкло наше поколение к простоте. На дворе двадцатый век: компьютеры, космос, сотовые телефоны, виртуальная реальность, ракеты, атомные бомбы – вот то, с чем приходится жить моему поколению. В ваше время все было намного проще, чем у нас. Вот скоро уже геном человека разгадают, тогда и узнаем, кто мы и откуда.

В конце этой речи мне очень захотелось пить, поэтому я подошел к колодцу с замшелым срубом. Опустил ведро, с трудом вытянул, ворочая тяжелый ворот с намотанной на него ржавой цепью.

– Неужели? – Сергей Сергеевич недоверчиво хмыкнул и почесал в затылке. – Насчет генома далеко не уверен, что кому-то удастся его разгадать, не та эта загадка – тайна жизни принадлежит богам, а они ее так просто не отдадут. Как космос пока для нас больше сказка,

чем жизнь. Не освоить нам его. Неправильный это способ – полет на пуле по вселенной, стоит поискать нечто другое.

– Пуле?

– Ну, если хотите, на ядре. В мое время считали, что скоро построят огромную пушку, которая сможет выстрелить пустотелым ядром на Луну, а в ядре будут находиться люди. Идея ракеты происходит от этой идеи.

– Ну... – Я задумался и понял, что в принципе профессор прав. – А что вы можете предложить для освоения космоса, кроме полета, как вы сказали, на пуле?

– Я считаю, нужно искать другие варианты путешествия по мирам. Ракеты далеко не улетят, им горючее нужно...

Я потянулся за ведром, чтобы попить холодной водички, но не успел, Сергей Сергеевич выбил его у меня из рук в длинном прыжке.

– Нельзя вам отсюда пить, юноша, опасно очень, сейчас принесу воду из дома, тогда и напьетесь.

– Почему? – просипел я. Мой голос меня не слушался. Неожиданно как-то это получилось. Снова испугался. Уж слишком стремительно двигался этот человек с телом юноши, лицом сорокалетнего мужчины и возрастом столетнего старца.

– А вам известно, юноша, что колодец есть глаз воды, через который можно разговаривать с миром мертвых?

– Что? – У меня даже челюсть отвисла. До этого профессор не казался сумасшедшим, таким, как сейчас, хотя, если подумать, он и раньше временами был похож на не совсем вменяемого человека.

Эти странные фразы об иных мирах и о полете на пуле. Наверно, если долго жить в такой глуши, то выдумка становится реальностью, так как опровергнуть ее некому. Но последняя фраза насчет мира мертвых – это точно перебор.

– А также в нем хоронят тех, кого земля не принимает? Понтия Пилата, например, похоронили в глубоком колодце, высоко в горах, когда река Тибр не приняла его тело.

– Как не приняла? – Я даже замотал головой от непонимания. – Вы о чем сейчас говорите и главное – с кем?

– Это известный исторический факт, эго вас все-таки плохо учат, – улыбнулся Сергей Сергеевич. – В те времена было принято хоронить в воде, но тело Понтия Пилата вынесла река на отмель в паре километров ниже по течению, тогда его снова вернули в воду, но и опять река выбросила его на берег, и так повторялось много раз, пока кто-то не предложил схоронить римского прокуратора в горах в воде глубокого колодца.

– И поэтому отсюда пить нельзя? – Я ошеломленно смотрел на профессора, похоже, тот окончательно выжил из ума. Слова какие-то странные. При чем тут Понтий Пилат, Умерший пару тысяч лет назад и известный только тем, что приказал распять Христа? – А зачем тогда здесь выкопан этот колодец?

– Из этого нельзя. – Сергей Сергеевич покачал головой. – Раньше было можно, а теперь не советую, из тумана много тварей здесь бродит, не дай бог одна из них там спряталась, тогда мало не покажется. А такие случаи уже происходили и раньше. Демоны были известны во все времена, наши предки о них хорошо знали...

– Какие еще демоны? – выдохнул я, понемногу приходя в себя и глядя на профессора с опаской. – Вы меня разыгрываете? Или дело в чем-то другом?

– Например?

– В неадекватном восприятии действительности.

– А... – Профессор ненадолго задумался, потом отрицательно покачал головой. – Вряд ли я сошел с ума, но, думаю, у нас будет позже возможность выяснить это окончательно.

– Каким образом?

– Если дойдем до кордона, то многое из того, о чем я сейчас вам говорю, станет для вас понятным. Возможно, тогда вам покажется, что с ума сошел не я, а кто-то другой.

– Кто?

– Например, вы сами, юноша. Поверьте, многое из того, что будет с вами происходить, покажется невероятным. И уже сейчас кое-что происходит, что объяснить невозможно.

– И что же это?

– Вот, например, следы этих когтей... – Сергей Сергеевич показал на бревна избушки, тем самым окончательно испортив мне настроение. – Вы можете это объяснить с точки зрения вашей науки?

– Неизвестный вид? – предположил я. – Что-то вроде Лохнесского чудовища?

– Хорошая версия, – согласился профессор, ушел в дом и принес оттуда глиняную крынку с водой. – Здесь таких чудищ хватает.

Вода оказалась холодной и прозрачной, от нее стыли зубы, и даже глотать было больно. Но, напившись, я окончательно успокоился и понял, что хочу есть. Я посмотрел на рыбу и сел к столу. Война войной, а обед по расписанию.

С ума сошел Сергей Сергеевич или нет, большой роли не играет. Мне с ним детей не крестить. Заберу то, что от меня ждут, и уеду отсюда, а он пусть балагурит, умничает, иллюзиями живет или местными страшилками... мне все равно.

Профессор усмехнулся, глядя, как я осторожно вгрызаюсь в белую рыбную плоть, боясь наткнуться на кости, потом начал есть сам.

– Не верите мне, юноша?

– Нет. – Я отвел глаза. – Пока все, что я услышал от вас со вчерашнего вечера, отдает сумасшествием. Демоны – существа мифические, их придумали наши предки, чтобы объяснить те явления мира, которых не понимали. Науки тогда еще не было, поэтому многие природные явления объясняли либо проявлением божественной силы, либо дьявольскими кознями, либо творениями его слуг – демонов.

– А бог, по вашему мнению, существует?

– Тоже выдумка. Наши предки считали, он живет на облаках, но теперь, когда вся планета просматривается сверху со спутников, все знают, что наверху никого нет. Да, кстати, за это время выяснили, что в вакууме жить нельзя, поэтому за атмосферой его тоже нет.

– Что-то я об этом уже слышал. – Профессор чуть усмехнулся. – Ницше, кажется, провозгласил, что бог умер, а до этого что-то на эту тему говорил Достоевский... Дай бог памяти, а, кажется, у него Алеша Карамазов, ошарашенный идеей, что бога может и не быть, говорит с ужасом: «Но если бога нет, значит, все позволено!..» Очень юноша по этому поводу переживал...

– Ну, вот видите, уже в прошлые века люди пришли к такому выводу.

– Да, только лучше никому от этого не стало, но спорить с вами об этом не буду. – Сергей Сергеевич съел пару рыбок и остановился, в то время как я ел и ел, вероятно, от пережитого страха. – Скоро у вас, юноша, появится возможность разувериться во всех известных вам истинах. Думаю, даже удастся убедиться в том, как нелепы ваши рационалистические и прагматические представления о мире.

– Все равно в сказки не верю...

– А в медведя, который бродил не так давно по двору?

– В него верю, уж больно страшный, думал, смерть за мной пришла. Хотел и вас предупредить, да голос мне не подчинялся. Но только в медведя. – Я показал рукой на полуразваленную избушку и бревна, исцарапанные огромными когтями. – Вот в это я верить не стану, как бы ни настаивали. Мне не хочется...

– Хорошо, – неожиданно согласился профессор, – будем разбираться с реальностью по мере появления новых персонажей. Все равно скоро у вас не останется другого выхода, кроме как верить собственным глазам. Если поели, то пошли. Время не ждет...

– Наверно, поел. – Я задумчиво посмотрел на гору костей рядом с собой, даже не заметил, как съел всю рыбу. – К тому же больше ничего и нет.

– Вот и замечательно. – Профессор встал из-за стола и занес опустевшую сковородку в дом, потом задумчиво посмотрел на солнце и проговорил: – Дождь, однако, будет во второй половине дня, сильный, но быстро пройдет...

– Не хуже, чем прогноз синоптиков, – одобрительно покивал я. – По телевизору милые барышни руками в воздухе водят, рисуя дожди и снега, а потом все оказывается враньем.

– В городе непогода ничего особенного не значит, всего лишь досадное неудобство, а здесь все иначе: в дождь можно, например, утонуть, потому что мелкие ручьи разливаются и превращаются в реки, в снег легко замерзнуть, потому что дорогу занесет, да и согреться будет нелегко, кроме как у костра. Можно многое было бы рассказать, но нам пора. Вы готовы?

– Готов. – Я забежал в избушку, схватил рюкзак, забросил его за плечи и выскочил обратно. – А вам ничего не нужно?

– Мне? – Сергей Сергеевич задумчиво оглядел себя. Он был одет в кирзовые сапоги, выдававшие виды, сношенные и не раз подбитые. Штаны у него были солдатские, куртка – ватник – тоже, под ним виднелась рубашка. Не думаю, что летом так можно ходить. Жарко и душно. Но профессор, похоже, чувствовал себя в этом облачении прекрасно. – Пожалуй, надо взять топор. – Он выдернул его из полена и заткнул себе за пояс. – Нож у меня есть, в мешке соль, крупа, сахар, все остальное найдется в тайге.

Проводник взял небольшой рюкзак, тоже изрядно заношенный, и забросил за плечо.

– Да, следует самосад не забыть и взять немного эликсира на случай непогоды – больше ничего не нужно.

– Я вообще-то имел в виду какое-то оружие. Насколько мне известно, без ружья никто в лес не ходит.

– Если нападет крупный зверь, вроде того, что ночью к нам приходил, то ружье не поможет. Для такого зверя хорошо подходит топор. Наши предки с этим нехитрым инструментом ходили в очень долгие походы и прекрасно себя при этом чувствовали. Ружья тогда имели только богачи. Но если вы боитесь, то можете взять оружие.

– Я бы взял, да у меня нет.

– Тогда вопрос решен. У меня его тоже никогда не было, а живу в этих местах почти полсотни лет...

– Ваше дело. – Я потоптался, проверяя, как сидят на мне новые ботинки – вроде нормально. – Мое дело маленькое, как я понял, за мою безопасность отвечаете вы?

– Именно так, но при одном условии: вам придется, юноша, выполнять все, что скажу. И еще... чтобы не было вредных иллюзий, за свою безопасность каждый отвечает сам.

– То есть?

– Так создан мир. Нагими мы приходим в этот мир, нагими и уйдем. Наше тело принадлежит нам, как только мы его передоверяем другим, обязательно с ним происходит что-то неприятное.

– Никто вам мое тело не доверяет, договор телохранителя вы со мной не подписывали, – пробурчал я. – Мы говорили о безопасности. Я вырос в городе, а этих мест совсем не знаю. То, что для вас пустяк, для меня может быть смертельно опасным. Мне неизвестно, какие здесь водятся звери и как их обойти стороной.

– Об этом не беспокойтесь: подскажу, предостерегу, вовремя остановлю, но голову под лапу зверя, который на вас набросится, подставлять не стану. Будьте осторожными сами, и тогда

мне удастся помочь вам остаться в живых, это входит в условия контракта. Так что осторожность, осторожность и еще раз осторожность – лишней она здесь не бывает.

– Как-то неправильно...

– Зато честно. Никогда не замечали, что те люди, которые берут на себя ответственность за вашу безопасность, после того, как с вами что-то случается, только сокрушенно разводят руками и говорят, что вы сами во всем виноваты. Так вот, я такого не хочу. Вы мне нравитесь живым, юноша, но если будете лезть в каждую щель, то мне вас не спасти.

– Вы, похоже, и телевизор смотрите, хоть здесь нет электричества, – недовольно проворчал я. – Откуда информацию получаете?

– На кордоне все имеется, в том числе и то, что покажется вам экзотикой, только до него еще дойти надо. – Сергей Сергеевич зашагал к лесу. – Вперед, юноша, навстречу неприятностям!

– А навстречу приятностям можно?

– Увы, я убедился за свою долгую жизнь, что каждый шаг наш по этой земле лишь увеличивает скорбь, потому что всегда находим не то, встречаемся не с теми и оказываемся не там.

– Это точно, – вздохнул я. – А вы, значит, еще и философ?...

– Только в том смысле, который заложен изначально в это понятие. Люблю мудрость не только свою, но и чужую – чужую даже больше.

Профессор двигался бодро, энергично, в то время как мне каждый шаг давался с трудом – то ли день сегодня начался неудачно, то ли не отдохнул на жесткой скамье. Чувствовал себя прескверно. Утешало только то, что эти мучения для меня будут недолгими. Вот дойдем до этого непонятного кордона, возьму то, что нужно моему заказчику, и уеду тут же. А через пару дней забуду все, что видел. Билет на поезд есть, автобус каждый день, так что проблем не будет. И пусть они в этой деревне живут и пугают друг друга разными зверьми. Уеду и забуду!

А проводник мне попался странный, на профессора непохожий, скорее на некую помесь сельского интеллигента с лесником-егерем, у которого каждое слово несет якобы подспудную мудрость веков, но если вдуматься – то чушь несусветная!

Какая скорбь?! Нормальные люди в Москве сейчас только спать ложатся после ночного клуба, и ночью они не скорбями своими занимались, а развлечениями, питьем да сексом.

Оно, конечно, в деревне ничего хорошего не имеется, тут даже телевизора нет.

Остается только вздыхать да рассказывать каждому встречному-поперечному, как трудна жизнь и каждый шаг добавляет тебе скорби. Тем более тут еще и зверья разного много, которое так и мечтает тебя сожрать.

Я обернулся: за пригорком уже исчезала людскими забытая в лесу деревушка – три маленьких избышки, одна изрядно покосилась. Отсюда не видно было следов когтей на бревнах, но я знал, что они там есть. У меня снова мурашки страха побежали по коже.

Что тут делаю? Зачем мне это? Неужели адреналина не хватало? Или все гораздо проще: пришла беда – открывай ворота? Одна она не ходит, всегда с подружками.

Перед нами высился лес, мрачный, высокий, нехоженный. Огромные сосны цепляли своими верхушками голубое небо с белыми облаками. Кряжистые кедровые деревья протягивали по сторонам свои мощные лапы. Высокая лесная трава, покрытая росой, оплетала ноги. А над всем этим желтел диск солнца, медленно поднимающийся над горизонтом.

Кажется, я сделал большую глупость, но отступить не хочется.

Привык любое дело доводить до конца. Пусть даже потом жалею об этом.

Не верил я во всяких монстров, даже на медведя смотрел как в цирке: конечно, замирал от страха, но как-то не по-настоящему, словно смотрел фильм ужасов – там тоже положено бояться, только всегда в глубине души знаешь, что это все нереальное, придуманное. Такое же ощущение у меня появилось, когда мы вошли глубже в лес, настолько все вокруг перестало походить на привычные городские пейзажи.

Лес начинался огромным папоротником, постепенно исчезающим и сменяющимся темно-зеленым мхом. Еще поражало обилие яркого света, слепящего глаза и напоминающего о том, что скоро станет жарко. Но солнце тут же спрятали широкие лапы высоких елей, темно-зеленые с коричневыми шишками, и стало прохладно.

Все вокруг было настолько ярко и красочно, что немного утомляло, поскольку чем-то напоминало картинную галерею. А если к этому добавить запах смолы, травы, сырой земли, цветов, красной, последней в этом году земляники – множество не связанных между собой оттенков, сплетающихся вместе в нечто тревожащее, напоминающее о чем-то давно забытом.

Даже дышалось как-то не так – хоть и вдыхал воздух полной грудью, но его почему-то не хватало, отчего сразу возникало желание прижаться к выхлопной трубе и снова почувствовать себя нормальным человеком. К сожалению, здесь не было столь любимой нами заводской гари и смога, царящего на широких улицах.

Легкий ветерок сначала освежал лицо, суша пот, но потом затерялся среди огромных коричневых и серых стволов...

И всего через сотню шагов как-то я и сам стал исчезать среди всего этого праздничного яркого великолепия, погружаться в нечто напоминающее транс, не признавая увиденное за реальность.

Ноги погружались во влажный от росы мох, проламывая прелые сучья, изредка скользя по твердой глинистой земле, с каждым шагом становилось все труднее удерживать равновесие. Несколько раз от падения спасался только тем, что хватался за кусты, а потом тряс рукой от боли, вытаскивая из ладони впившиеся шипы.

Сергей Сергеевич шел впереди, легко, свободно, по-моему совершенно не замечая, как здесь тяжело двигаться. Наверно, если каждый день ходить по такой почве, то привыкнешь, а мне это в новинку.

В этом лесу не хватало асфальта – твердого, нерушимого, с трещинами и родным запахом дорожной пыли и бензина...

Чем дальше мы заходили вглубь, тем становилось темнее, несмотря на то что день только начинался и солнце никуда не исчезло, просто его спрятали густая, словно сошедшая с ума растительная жизнь, переплетаясь между собой, создавая плотный полог, почти не пробиваемый для лучей светила.

Конечно, не джунгли, но местами нисколько не хуже. Такое же дикое буйство растительной жизни, красок и запахов. А внутри нарастает ощущение того, что что-то обязательно произойдет. Что-то плохое, что мне обязательно не понравится...

Глава 3

Постепенно во мне это предчувствие преобразовалось в ощущение страха, причем необъяснимого. Мне казалось, что до этого я никогда не бывал в таком жутком лесу, в котором даже кусты обычного орешника выглядели мрачно, словно нахохлившись огромные существа, готовые наброситься на любого, кто мимо них проходит. А деревья здесь росли настолько огромные, что их ствол впятером невозможно обхватить, кроны и листва которых терялись в невообразимой высоте.

На самом деле, лес как лес, просто что-то внутри меня делало его страшным... Или нет?

Здесь устроить всего один маленький леспромхоз, и все сразу станет другим: просеки тут же появятся, тропинки, дороги, электричество, и вполне можно жить...

– Скажите, – крикнул я в удаляющуюся спину. – А у вас тут лес не заготавливают? В смысле, может, просеки есть? А то идти по чащобе тяжело...

– Нет, здесь лес не рубят и, думаю, вряд ли когда-нибудь будут. – Профессор оглянулся и остановился. Я подошел к нему, тяжело дыша. С удивлением заметил, что на голове у моего проводника надета бейсболка – удобная кепка, тепло и на голову ничего не валится. А мне на голову уже насыпалось немало всякой трухи, падающей с веток, – сразу не догадался натянуть капюшон. – Места здесь опасные...

– Это почему не будут? Люди сейчас за деньги готовы лезть хоть к черту на рога, никого не напугаешь. А тут такие толстые стволы, за которые китайцы хорошо заплатят...

– Приезжали сюда, и не раз, различные люди, китайцы, кстати, тоже. Даже контрольные рубки назначали, а потом все отказывались, сворачивались и уезжали...

– Отчего так?

– Этот лес себя тронуть не даст, много в нем существ разных собралось, которые так просто свое жилье не отдадут. Одно слово – кордон.

– Не понимаю, о чем вы...

– Даже машины импортные привозили, которые лес сами пилят. Пригоняли «КрАЗы», приходили лесорубы с мотопилами, чтобы сучья обрубать, а через пару часов уезжали, побросав все оборудование. – Сергей Сергеевич остановился, поджидая меня. Кричать в спину и мне было довольно неприятно. Когда к нему подошел на пару шагов, он продолжил: – В десятке километров отсюда имеется целое кладбище техники, оставшееся от любителей даровых денег.

– А почему технику не забрали?

– Не смогли. Машинами люди управляют. Лес каждого проверяет: если у тебя дурные намерения, то близко к себе не подпустит. Лесорубы одно дерево свалят, а потом убегают с дикими криками и больше никогда не возвращаются. Страшно им.

– Мне почему-то тоже, хоть у меня и топора нет, – вздохнул я. В этом лесу все как-то было не так, посему людей я понимал. – Но все равно слабо верится, чтобы люди отступили.

Сергей Сергеевич недоверчиво хмыкнул и внимательно посмотрел на меня. Не знаю, что он хотел увидеть на моем лице, но явно увиденное ему не понравилось, вздохнул и как-то грустно продолжил:

– Конечно, пытались продолжать рубки. Что только не делали, даже какие-то особые шлемы выдумывали для защиты от Пси-излучения. Это термин не мой, а одного предпринимателя. А все равно итог был таким же: люди бежали, а техника оставалась, теперь ржавеет понапрасну, потому что лес забрать ее не дает.

– Сегодняшние богатые люди за свою собственность готовы половину населения страны в могилу отправить, да они бы сюда танки нагнали и все вытащили бы.

– Такое тоже было. Военные тут как-то хотели ракетные шахты ставить, но и они ушли, несмотря на приказ министра обороны. Всей силы нашей армии только и хватило на то, чтобы

котлован выкопать, теперь там лесное озеро образовалось, а на берегах множество ржавеющей техники находится, в том числе и танков. Надеюсь, со временем все исчезнет. Лес довольно быстро уничтожает следы пребывания людей...

– Вас послушать, так у вас здесь что-то вроде зоны...

– Зоны в смысле тюрьмы?

– Нет, зоны в смысле «Сталкера». Был такой фильм, да и игра довольно приличная получилась.

– А... вон вы о чем рассказываете, юноша... – Профессор улыбнулся. – Фильм не смотрел и в игру не играл, а вот книгу читал. Там говорится о том, как инопланетяне прилетели на нашу планету, устроили пикник на свежем воздухе, посидели, выпили, про жизнь поговорили и улетели по своим делам, а муравьи и всякая другая живность ползает, крошки подбирает и недоумевают, откуда взялось такое богатство.

– Нет, это вы что-то путаете, – авторитетно заявил я. – Там про людей, а не про насекомых.

– Ну, это мы себя людьми считаем, а «чужие», возможно, имеют другое мнение, иногда я и сам иначе думаю.

– А... в смысле, что мы не очень-то разумны? – Мокро, холодно, противно. Хорошо, что на мне воинская одежда, в ней не холодно, она не промокла, да и двигаться в ней легко. Профессор в своем ватнике тоже, похоже, чувствовал себя прекрасно, должно быть, его одежда оптимально подходит для такой чащобы. Это у реки в ней жарко, а здесь хорошо. Непонятно только, о чем он говорит. Но лучше разговаривать ни о чем, чем идти молча. Неприятно здесь и тревожно, а разговор отвлекает. Я вздохнул и ответил:

– Книжку не читал, а фильм смотрел и в игру играл. Там солдаты зону охраняют, в которой находится нечто, что любые желания исполняет. Вот люди туда и прутся, в основном психи разные, потому что дойти трудно, погибнуть можно. Эти сумасшедшие, дойдя до золотого шара – исполнителя желаний, вдруг понимают, что все их желания – обыкновенная глупость и жизни их не изменят, потому как они сами ее строят...

– Так оно и есть, обычно мы даже не задумываемся над природой своих желаний. – Сергей Сергеевич резко свернул в сторону, даже не знаю, что он там увидел, я последовал за ним. – Существует выражение: бойся своих желаний, потому что они могут исполниться. Мудро сказано. А здесь, в этом лесу, такие слова звучат особенно верно. Не знаю, как насчет зоны, а в этих местах вполне могут желания исполниться, причем любые – какие только в голову придут.

Дорогу перегородили упавшие стволы сосен и елей, погибших от старости, покрытые скользким зеленым мхом, высасывающим из когда-то могучих деревьев последние соки, превращая в труху. Профессор перелез через этот завал и помог мне, подав руку.

Кричали птицы, галдели вороны, где-то вдалеке щелкал соловей или птица, похожая на него. Странно все это до чрезвычайности после города – может, действительно зона? Только в кино была какая-то станция, завод, а здесь глухой нехоженный лес.

Дорог нет, как и троп. Как находит путь профессор, непонятно. Он шел впереди бодрым шагом, не оглядываясь на меня, и не сворачивал, словно мысленно провел через весь лес прямую линию, по ней и двигался.

– Эй! – Я крикнул вслед только для того, чтобы не остаться наедине с лесом. Странная здесь стояла тишина, сырая, наполненная влагой и тихим скулежом ветра в листве.

– Я слушаю вас, юноша.

– Что вы подразумевали под тем, что любые желания могут исполниться? Здесь же лес вокруг, электричества нет, телефон не работает. А если я захочу стать олигархом?

– Живет здесь один исполнитель желаний, – Сергей Сергеевич посмотрел на меня с непонятной улыбкой, – только к нему никто не ходит. Он может вас сделать даже императором вселенной. Дрема – большой мастер.

– А куда делись все желающие стать счастливыми?

– Попасть сюда непросто, это я уже объяснял, да и все, что он дает, – лишь иллюзия, ложные ощущения, как во сне. Наверняка у вас, юноша, тоже такое было: во сне любили прекрасную женщину, а просыпаясь, вдруг понимали, что это всего лишь сон и пора бежать в ванную...

Профессор неожиданно остановился, так что я чуть ему в спину не врезался, и стал ругаться долго и изощренно. Такого многоэтажного и отборного мата не слышал раньше, хоть и вырос не в оранжерее. В нем рассказывалось обо всем: о лесе, о деревьях, о небе с солнцем, хоть его не было видно из-за листвы и хвои, упоминались предки и прародители этого леса, его сегодняшние обитатели, и все они занимались сексом в особо извращенной форме.

Причем как лейтмотив обязательно присутствовал леший, который, видимо, и вызвал этот мощный словесный поток, поскольку самые ужасные слова предназначались именно ему. Из всего сказанного мне удалось понять, что именно он мешал нам двигаться к цели, постоянно меняя сам путь.

Наверное, это было поэтическим образом, довольно бессмысленным, с моей точки зрения. Лешего профессор костерил долго, угрожая жуткой расправой, которую с ним проведет какой-то колдун, а если у него не получится, то придет Дрема и ему станет не до смеха...

Профессор выдохся примерно минут через пятнадцать, перестал материться и проговорил уже вполне нормальным голосом:

– Выходи, а то точно Дреме пожалуюсь.

И я окончательно понял, что предо мной душевнобольной. Правда, сначала настороженно ждал, что кто-то появится, но время уходило безвозвратно, а ничего не происходило.

Сергей Сергеевич снова выругался, сплюнул, потом мрачно пробормотал:

– Ушел, паршивец! Разговаривать не стал. Не понравилось ему, видите ли. Ладно, я с ним потом разберусь.

– А что случилось? – Все время ругани и крика я отдыхал, устроившись на дереве, – воспользовался благоприятным моментом. Все-таки уже часа три по лесу ходил, устал с непривычки. – Стоило ли так ругать природу – мать нашу!

– А вы, юноша, так и не поняли, из-за чего этот сыр-бор?

– Нет, не понял. По-моему, ничего не случилось, лес тот же, деревья тоже.

– Взгляните сюда. – Профессор ткнул пальцем вниз. Я увидел сорванный мох рядом с его кирзовым сапогом, испачканным в зелени, а под ним след ноги примерно моего размера; приглядевшись, понял, что это мой след. У моих ботинок точно такой же протектор, поэтому глупо было ожидать, что в этом нехоженом лесу ходят два таких же идиота, как я, при этом носящих ту же обувь. Такое слишком нелогично и нереально. – Узнаете?

– Похоже на отпечаток моих военных ботинок, – кивнул я. – Только непонятно, откуда он здесь взялся?

– Не он откуда, а мы. – Сергей Сергеевич сделал пару шагов и показал на куст. – По кругу идем уже третий раз, я и веточку вон на том кусте заломил, как только почувствовал неладное. Взгляните. Специально сломал дважды, зверь так не ломает.

Ветка действительно оказалась надломлена в двух местах.

Похоже, что мы действительно заблудились. Забавно только то, что профессор в своем промахе стал винить кого-то другого, в данном случае лешего, словно тот и на самом деле существует.

Впрочем, мне-то какая разница? Хочется ему считать виновным во всех своих бедах кого-то другого, пусть считает, главное, чтобы дорогу больше не терял.

– У меня компас есть.

– А... – Профессор мрачно обошел куст, на котором была заломлена ветка, и пошел дальше к высокому дереву. – Не поможет он нам, если леший балуется. К тому же в этом лесу ни один прибор не работает.

– Компас есть компас, его стрелка всегда на север показывает, и это не прибор, в нем электроники нет, – возразил я. – Скажите, в каком направлении идти, я буду смотреть на стрелку и корректировать наше движение при необходимости.

– Неужели все так просто? – Сергей Сергеевич как-то странно ухмыльнулся. – Нам нужно на запад. Покажите направление, с удовольствием воспользуюсь вашей подсказкой.

Я с готовностью выхватил нож и посмотрел на рукоять, потом растерянно развел руками:

– Что-то не то здесь, наверное, выход железных руд...

Стрелка крутилась по кругу, причем сначала справа налево, потом слева направо, чтобы окончательно меня запутать, а заодно и унижить перед профессором, который, взглянув на компас, ехидно ухмыльнулся.

– Нет здесь ни руды, ни излучения, а есть зловредный леший, которому почему-то не нравится, что вы в его местах оказались, юноша.

– Почему это именно я ему не нравлюсь? Может, как раз вы его раздражаете? – Я ответил только потому, что решил подыграть. Давно известно, с психами не нужно спорить, наоборот, следует потакать их иллюзиям. – Это вы матерились на него, а не я, ко мне, думаю, у него претензий нет, мы с ним незнакомы.

– А как его иначе остановить, если не ругать? Надо показать, что мы разобрались, кто нас по кругу водит. И говорить нужно на языке, понятном любому. Мат – универсальный язык для общения с нечистой, они его хорошо понимают. Надеюсь, после моей речи мешать нам больше не станет, он обычно понятливый – если понял, что его раскрыли, то уходит...

– Если бы ваш выпад подействовал, то стрелка на компасе остановилась бы, – заметил я. – А она все еще крутится, значит, по-прежнему где-то рядом ваш... этот... леший.

– Она и дальше будет крутиться, место здесь аномальное, – Профессор снова решительно зашагал вперед. – Здесь же не просто тайга, а преддверие кордона, то есть зоны, по-вашему. Место, чуждое человеку, странное и опасное.

Я пошел за ним, с подозрением косясь по сторонам. А куда деваться? Отсюда мне обратно до деревни дороги не найти – ни с компасом, ни без него. Вокруг одни и те же деревья, сосны да ели, высокая трава, мох да кустарник. Как дорогу определить без компаса и звезд? Хорошо в городе: на домах названия улиц пишут, а здесь в лесу блуждай с лешим или без него, пока случайно на просеку не выйдешь или на что-то другое, сделанное людьми, – например, грунтовку.

Кстати, отсюда, думаю, и народные поверья появились. Если заблудился, то ищи виновного. А кого найдешь в лесу? Правильно – ищи лешего, то бишь лесного человека.

Сергей Сергеевич остановился и достал из котомки пластиковую бутылку со своим эликсиром. Интересно, как его самогон пластик до сих пор не проел? Крепости в нем градусов семьдесят, как в абсенте, а то и больше.

Правда, плохого ничего об этом горячительном напитке сказать не могу. Чувствовал я себя после него прекрасно. Вчера была жизнь не в радость, сил оставалось только на то, чтобы умереть, а сегодня уже отмахал тридцать верст по глухому лесу, и все нипочем.

– Будете, юноша?

– Почему бы и нет? Можно и выпить. А долго еще идти?

– Идти до конца дня.

Даже засмеялся от неожиданности.

– Это как армейская присказка – копать отсюда и до обеда. А у вас, профессор, – топтать отсюда и до вечера?

– Может, и раньше придем, леший вроде отвязался, к черному лесу подходим, а я в него без выпивки не захожу и вам, юноша, не советую. Беда там живет, и не одна, а с десяток...

Он выпил пару глотков и протянул пластиковую бутылку мне, я тоже выпил, а потом запил водой из армейской фляжки.

– А что в этом лесу не так?

– Все в нем не так, в этом лесу частенько туманы бывают, а после них разная живность остается. Умирать-то она умирает со временем, только в это время в него лучше не заходить. Страшно мне всегда бывает, когда к нему подхожу.

Меня эта фраза удивила – думал, только мне не по себе. Местные жители по идее уже должны были привыкнуть к особенностям своего ландшафта и всякой живущей в нем гадости, а не пить самогон перед походом в свой лес.

– Что ж мы тогда этим путем пошли?

– А другой дороги здесь нет. Обойти черный лес не обойдешь, болото не даст, оно здесь старое, тяжелое, утонуть легко. Многие люди погибли, особенно в те времена, когда только селиться начинали. Тогда люди из двух деревень через трясины решили гать проложить, чтобы удобнее и быстрее друг к другу добираться, да ничего не получилось, потому что мужики стали один за другим тонуть...

– Леший постарался? – Это я так пошутил. Забавно мне было все это слышать. Не знаю, когда здесь гать строили и люди гибли. Но, на мой взгляд, лучше бы пригласили мелиораторов, те вокруг болота отводные каналы бы прокопали, и лет через десять от болота никаких следов бы не осталось – копай себе торф да дороги строй. Всем польза. – Деревенских баб пугал да запутывал? А мужики сами испугались?

– При чем тут леший? – Профессор зашагал вперед. – Он в болото не полезет, ему туда нельзя.

– Неужели еще кто-то страшней здесь живет?

– Страшней, не страшней, а в болото ему нельзя.

– И кто же мужиков погубил?

– Кикимора постаралась. А если учитывать, что живет там она не одна, а вместе со всем своим большим семейством, то понятно, почему деревенский люд испугался и перестал гать тянуть. Жить всем хочется, а от этой нечисти в болоте защиты нет, она и под водой и в любой трясине себя прекрасно чувствует, потому как болото – естественное место ее обитания.

– Вам бы сказки рассказывать или писать, богатым бы стали, – усмехнулся я. – Больно складно получается: если не лешего, то кикимору встретишь, в любом случае заплутаешь или утонешь. Можно подумать, именно эти существа людям жить не дают, всех погубить норовят...

– Да нет, – пожал плечами Сергей Сергеевич. – Они никому жить не мешают, иногда даже помогают, только и от человека требуют не меньшего.

– И чего же?

– Обычно – покоя. Вам бы понравилось, если бы через квартиру, где вы живете в Москве, рельсы проложили и поезда метро пустили?

– Такое я даже в кино не видел! – Я ошарашено посмотрел на профессора. И словно наяву увидел, как через квартиру Ирки несется поезд метро, размазывая нас по стенкам. – Ужас какой-то!

– Но представьте себе, что такое возможно...

– Квартиры у меня нет, потерял вместе с работой и любимой. – Я помрачнел. – Если поверить, то, конечно, не понравилось бы. Но кто ж через квартиру рельсы тянет? Снесли бы дом, жильцов отселили, а на этом месте выстроили потом все, что захотели...

– Хорошо, что вы это смогли представить, – улыбнулся Сергей Сергеевич. – Теперь вы сможете понять, почему кикиморам не понравилось, что деревенские мужики через болото гать потянули, через их родной дом. Вот они самых зловредных и настырных мужиков утопили, чтобы другим nepовaдно стало.

– Вы говорите так, словно это и на самом деле правда и нечисть существует.

– Главная правда в том, что больше в этих местах никто из людей не живет. Селились не раз, дома строили, дороги кое-где положили, а потом уходили. За горой десятка три деревень брошенных...

– Вроде той, где вы живете? Куда меня Кирилл привез?

– Я там бываю редко, мой дом в другом месте, и не деревня это, а выселки.

– А в чем разница?

– Если человек деревню обидит своими поступками, то люди его прогонят. Воры, разбойники, убийцы, колдуны да ведьмы во все времена отдельно от других жили, кроме того, частенько девок развеселых да на любовь податливых выселяли.

– Это какие такие девки?

– Которые никому не отказывали, за это их деревенские бабы быстро из деревни выжили, чтобы семьи не разрушали. Вот и приходилось им отдельно дома строить. Мы как раз в таких выселках ночевали, где раньше разбитные женщины жили. Отсюда и название – Любины. Видели, какие избы? Они хоть маленькие, а построены добротно, от души, это потому, что каждый деревенский мужик старался помочь несчастным женщинам. Впрочем, вряд ли их несчастными можно было назвать. Как мне рассказывали, у них ни с чем проблем не было, хоть не сеяли, не пахали, а еды всегда хватало.

– Какие-то странные порядки у вас здесь, словно в прошлом веке.

– В глубинке во все времена свои законы и правила, отличные от светских, существовали, потому что люди жили другие. Никогда не задумывались, юноша, над тем, чем русский человек отличается от прочих?

– И чем же?

– А мы со всеми ужиться можем, даже с колдунами да ведьмами. Это в Европе бушевала инквизиция, а у нас ничего подобного не было, мы и с нечистой общий язык находили, и святых людей не трогали.

– Ну, не знаю, хорошо ли это. Сами говорите, люди свои дома, ими же выстроенные, бросили и ушли.

– Не из-за нечисти ушли, а из-за того, что кордон здесь, а с него туманы приходят губительные. С лешими да кикиморами общий язык во все времена находили без особых проблем, иногда даже дружили...

– Глупости все это! – скривился я. – Напугать меня хотите или еще того хуже? В психдиспансере случайно не обследовались? Напридумывали себе всякого и сами же боитесь.

– Направление на запад не подскажите, юноша? – Сергей Сергеевич встал и, достав котомку, выпил своего эликсира. Мне на этот раз не предложил, должно быть, обиделся. – Для вас, человека цивилизованного, это не составит большого труда.

Я взглянул на компас: черный кончик крутился то в одну сторону, то в другую.

– Стрелка на месте не стоит, думаю, здесь поблизости выход железной руды имеется, другого объяснения не вижу.

– Если вы заметили, юноша, то гор здесь нет, и под нами метров пять плодородной почвы. О какой руде вы говорите?

– Ну, может, залежи хорошие...

– Нет под нашими ногами ничего, геологи проверяли. А вот леший и кикиморы действительно здесь живут.

– А я не верю в то, что они вообще существуют.

– Я понимаю, что вам их надо один раз увидеть, никто поначалу не верит. Так нам куда?

Профессор остановился, задумчиво глядя по сторонам. Я тоже посмотрел вокруг. Лес как лес, такой же, как и везде, интересно, как в таких местах дорогу находят? Раньше, знаю, на деревьях зарубки делали, но здесь ни одного затесанного ствола не заметил.

Я выпил воды из фляжки.

– Вы же здесь не раз ходили, выходит, направление знаете, вам и компас не нужен...

– Кто сказал, что я здесь часто хожу? – Сергей Сергеевич поднял руку вверх, словно направление ветра угадывал. – Сюда люди зря не идут, а если приходят, то обратно не торопятся. Я на кордоне живу, здесь бываю редко, поэтому и леший меня не признает. Будь иначе, давно бы с ним договорился.

– А разве с нечистой можно договориться?

– Со всеми можно договориться, если знать как. Леший – существо разумное, русский язык понимает, особенно матерный, от татар научился. Похоже, все-таки правильно привел, метров на двести промахнулись, но это не страшно. Черт! – выругался Сергей Сергеевич. – Бегом назад!

– А что такое?

– За мной, юноша, если жить хотите.

Он вдруг резво вскочил и влетел в густые кусты на краю поляны. Когда мы пробились через них, обрывая листья и ветки, то едва не свалились в глубокий, заросший травой и молодыми деревцами овраг, который оказался за густыми зарослями.

Я бы точно упал вниз, если бы Сергей Сергеевич не поймал меня за рукав.

– Да что такое? Куда мы спешим?

– Слышите?

Я прислушался. Ничего, только шум ветра да крики птиц. Воронье раскричалось.

– Ничего необычного.

– Тогда можно выходить. – Профессор помог мне выбраться на большую поляну. – Неужели ошибся? Вроде слышал что-то...

И тут началось. Со всех сторон на нас полетели черно-желтые тучки. Насекомые. Похожие на пчел, только крупнее. Может, трутни или еще какая гадость.

Я стоял и смотрел, как они летят на меня с низким басовитым звуком. Внутри все похолодело.

Было их много, и летели они со всех сторон. Срывались с ветвей деревьев, вырывались из травы и неслись прямо на нас с пронзительным угрожающим гуденьем, словно самолеты в пикировании. Сразу вспомнилось нехстати, как во время Второй мировой войны немцы сбрасывали с большой высоты пустые бочки, те летели вниз с таким жутким воем, что на земле бойцы обмирали от страха.

Вот и сейчас нечто подобное произошло со мной. Я знал, что надо что-то делать, но не мог двинуться с места.

– Ложись! – прокричал Сергей Сергеевич. – Шершни!!! Голову прикрывайте руками. Главное, глаза берегите, иначе слепота гарантирована, даже мазь не спасет. Поползли к кустам, там отлежимся, может, отстанут.

Я прополз всего пару метров, как на меня опустилось сразу три или четыре шершня, и один из них тут же меня ужалил. Боль дикая!!!

Мне в мягкое место словно несколько раз шило воткнули. Я вскочил, замахал руками, отбиваясь от теплых небольших телец, покрытых упругими желтыми шерстинками. Не знаю, что имел в виду профессор, когда этих насекомых назвал шершнями. Насколько помню из школы, шершни бывают размером с обычную осу, может, чуть больше. Это их матка достигает трех с половиной сантиметров, а эти насекомые все были такого размера, а некоторые даже больше!!!

Кузнечики. Саранча! Обезумевшие майские жуки с жалом! Единственное, что немного утешало, что они не так сильно ядовиты, но зато и ужалить могут не один раз.

Больно!!!

И тут на меня налетела вся туча. Или почти вся. Не знаю, сколько их было. Сто тысяч, двести, миллион. От их жужжания у меня уши закладывало.

Жалили со всех сторон. Я выл от боли, орал, визжал, бешено размахивал во все стороны руками. Мне это нисколько не помогало, хоть и сумел несколькими удачными ударами сбить немного насекомых на землю и растоптать ногами.

Но порадоваться этому не успел: на меня навалилась новая туча и покрыла с ног до головы живым, копошащимся ковром. Их было так много, что они меня сбили с ног, а может, я сам споткнулся. Не помню. Не осознавал ничего, кроме дикого ужаса.

Меня кололи, били, и мне вдруг стало пронзительно ясно, что живым не выбраться, зажалют насмерть! Шансов спастись никаких. Я хоть и полз по направлению к кустам, но получалось очень медленно и тяжело. Да и больно было невероятно!!!

Бежать я не мог, от проникнувшего в кровь яда в теле разлилась слабость, а грудь сдавило так, что едва мог дышать. Перед глазами все кружилось, а сердце колотилось так, словно желало выпрыгнуть из тесной грудной клетки.

Я понимал, что умираю, но ничего сделать не мог.

До кустов оставалось метров десять, но это все равно что не одна тысяча километров, а мне такого расстояния не преодолеть, потому что мои ноги превратились в дуршлаг. Глупо умирать от укусов тысяч жалящих насекомых, к тому же больно, противно и очень унижительно...

Меня жалили по ногам, рукам, которыми я все еще прикрывал голову и особенно глаза, по мягкому месту, которое давно превратилось в нечто вроде подушки для иголок. Боль была настолько дикой, ни с чем не сравнимой, что внутри все переворачивалось.

И не было мне спасения, даже сознание не удавалось потерять. А еще мешало громкое монотонное гудение надо мной, которое сводило с ума, предвещая новую еще более страшную боль. Меня оббевали миллионы маленьких крылышек, и это пугало не меньше.

Ко мне пришла смерть, к сожалению, не самая лучшая. Впрочем, наверно, других и не бывает.

Когда я понял, что до кустов не добраться никогда, и даже ужас, живущий во мне, не может помочь выжить, я завизжал тонко, пронзительно, как раненый заяц.

А мне ответил тонкий звонкий свист, который каким-то невероятным образом сумел перекрыть жужжание.

Он шел откуда-то со стороны кустов и исходил явно не от этой пикирующей смерти, а от кого-то другого.

Шершни на мгновение замерли, я воспользовался этим, вскочил, захлопал по телу, сбрасывая с себя раздавленные остатки насекомых распухшими руками, и рванул к спасительным кустам, не обращая внимания на то, что рой резко поднялся вверх, застилая ясное голубое небо с белыми гроздьями облачков.

У кустов упал на землю и пополз к корням, где находились самые крепкие ветки: мне казалось, что их хватит, чтобы спрятать меня от этого гудящего ужаса. Упершись головой в переплетение ветвей, завыл и заплакал от страха и стыда, ожидая мучительной смерти, пока не почувствовал прикосновение теплой человеческой руки.

– Вылезайте, юноша, шершни улетели, а нам нужно идти дальше.

– Куда это они? – Я все-таки выполз, хоть это потребовало от меня огромного волевого усилия. Голос срывался от рыданий. Никогда не думал, что меня могут довести до самой настоящей истерики обычные осы-переростки. В моих глазах они превратились в божественное возмездие, от которого никуда не спрятаться. – Они вернутся?

– Надеюсь, что нет.

Я огляделся. Поляна была пуста, на траве валялись раздавленные остатки не менее полусотни насекомых, некоторые еще были живы и ползли по траве к кустам.

– Что это было?

– Шершни, вы же видели. – Профессор пожал плечами. Он был спокоен, словно такое с ним происходило каждый день. И действительно, чего бояться? Ну, подумаешь, налетели, едва не убили. Делов-то! – Похоже, где-то тут недалеко гнездо, а мы случайно вторглись на их территорию.

– Какие это шершни, они же размером с воробья!!

– И все-таки это они, просто мутировали, соединившись с насекомыми, которые прилетают вместе с туманом.

Я посмотрел на руки, которые на глазах распухали, превращаясь в нечто невообразимое. Мне стало дурно, и меня вытошнило. Когда немного пришел в себя, то спросил:

– Я умру?

– Если ничего не делать, то вполне возможно. В мире известно немало случаев, когда шершни зажаливали свою жертву насмерть, люди и звери умирали от анафилактического шока.

– Так сделайте хоть что-нибудь, – прохрипел я от боли. – Посмотрите, во что они меня превратили! Я напоминаю подушку для отравленных иголок, вон, как меня раздувает, точно умру от аллергии. Мне больница нужна, и срочно, вызывайте вертолет!

Перед глазами все кружилось, а от слабости качало, в голове гудела сотнями шершней болезненная чернота, я с трудом соображал и едва выговаривал слова.

– И как же я вам его вызову, юноша? – вежливо поинтересовался Сергей Сергеевич. – Связи здесь нет, телефоны не работают, а до ближайшей больницы километров семьдесят.

– Значит, все? Смерть?! – Я не заплакал, сдержался, хоть на душе стало горько. И всего-то? Даже не пожил по-настоящему, а уже все закончилось. Зачем я только сюда пришел? – Сделайте хоть что-нибудь...

– Да, да, в этом вы правы, – покивал профессор. – Если не принять мер, точно умрете. Раздевайтесь немедленно!

Я, охая и ахая, начал сбрасывать с себя новый комбинезон, правда, на нем теперь виднелось немало пятен и ярко выделялась зелень от травы.

Господи, как же мне больно!

Слезы сами лились у меня из глаз. И при этом не было стыдно. От такого любой, даже самый крепкий мужик сломается, не то что я. Чего стоит сила и мощь человека против роя шершней? Вот если бы у меня был огнемет или хотя бы водомет, я бы им отомстил! Сволочи!!!

Сергей Сергеевич достал из своей котомки металлическую коробку, на которой был нарисован индийский слон, – в таких упаковках обычно индийский чай продают. В ней оказалась бело-желтая мазь, густая, плотная, словно вакса, которой чистят обувь. Вот ею профессор и начал меня мазать, осторожно втирая в каждую ранку.

После того как обмазал с ног до головы, налил мне самогонки в кружку и заставил выпить.

Кожа уже через пару минут стала гореть так, словно ее обмазали скипидаром, но после того, как жжение прошло, стало легче. Боль понемногу стала терпимой, а окружающее пьяно закружилось перед глазами.

– Одевайтесь, юноша, нам здесь задерживаться нельзя. Могут прилететь другие насекомые, больше и крупнее, и так легко будет не спастись.

– Это, по вашему мнению, было легко? – Я начал одеваться, временами подвывая от боли. – Лучше бы спросили, смогу ли идти?

– Спрашивать не буду. Бессмысленно это. Пойдете или умрете. Другого выбора нет. Уговаривать меня не надо, просить о помощи тоже. Сейчас как раз тот случай, когда утопающий должен спасать себя сам. Так что пошли. Я уже знаю, где мы.

– Где?

– В лесу, недалеко от нужного нам ручья. Пойдем по нему, там русло идет по оврагу, в нем на нас никто не набросится. Вы идете или останетесь дожидаться нового нападения?

Я встал, зашипел от боли, потом начал натягивать на себя комбинезон, подвывая и вскрикивая. Точно мне надо было умереть вчера! Утешало только то, что понемногу спадал отек с рук и лица и боль точно стала терпимой, да и голова немного прояснилась.

– Пойду, хоть и понимаю, что шансов на выживание нет, но надежда умирает последней. – Одевшись, я встал с травы и ощупал себя. Боль еще чувствовалась, но она слабела с каждой минутой. Я понимал, что умру. От яда шершней меня могли спасти только в больнице, потому что он воздействовал на все тело, отравляя кровь, печень, почки и сердце. Но сейчас это было неважно, поплакать над своим хладным телом смогу и потом. Наверное, если останусь жив. – Я готов.

Меня удивляло спокойствие профессора, но я неожиданно для себя поверил ему. Возможно, действительно меня снова спасет его мазь, тем более что руки уже вернулись в обычное состояние, а голова перестала кружиться, и тошнота уже не так подступала к горлу.

Мы пробились через кусты орешника и оказались на краю нового оврага.

– Здесь придется спуститься. Желательно двигаться медленно и осторожно, иначе можно и шею сломать. Спуск довольно крутой, да еще трава мокрая. Лететь хоть и недалеко, но приземление будет довольно болезненным.

– Спасибо вам за доброту вашу, за то, что ведете меня путем, где выжить невозможно. Хоть бы помогли, руку подали, я же умираю...

– Вам, юноша, уже ничего не грозит, и вы гораздо моложе меня, сами должны мне помогать, а не скулить.

Мы, держась за свисающие сверху корни деревьев и кусты, поползли вниз. Это оказалось совсем не просто. Крутой склон не позволял удержаться, стоило отпустить ствол осинки или ветку куста, как ноги начинали скользить по высокой влажной траве. Хватались за все, до чего могли дотянуться, и медленно шли ко дну. Фраза смешная, но в данном случае абсолютно правильная – мы действительно спускались к дну оврага.

Овраг оказался нешироким, метров пять, довольно глубоким, а в самом низу тек ручей. Здесь стоял такой промозглый холод, что даже волоски на руках и ногах встали дыбом.

Вода в ручье текла черная, как сажа, хоть при этом казалась абсолютно прозрачной и невозможно холодной, почти ледяной. Я смыл пот и грязь с лица и рук, но когда наклонился, чтобы попить, то профессор остановил, осторожно тронув за плечо.

– Здесь не пейте, юноша, болеть будете животом, а нам еще далеко идти, не хотелось бы вас на себе тащить.

– А что в ручье-то не так? – пробурчал я недовольно. – Снова демон прячется или шершни рядом?

– На этот раз все гораздо проще, в воде слишком много торфа. – Сергей Сергеевич показал рукой вверх по течению. – По берегу пойдем, но временами все равно придется пошлепать по воде. А демона здесь нет. Просто черный ручей выбегает из черного леса, поэтому и пить нельзя...

Мне стало смешно. Несмотря на то что боль еще не до конца ушла, и на то, что повода для смеха тоже не было, захотелось смеяться. Наверное, истерика. Или действие мази с самогоном.

– В темной комнате черный человек с черными руками ловит непослушных маленьких детей и ест живьем. Такими страшилками нас в детстве пугали...

– А я не пугаю. – Профессор аккуратно вымыл лицо и руки и зашагал бодрым энергичным шагом вдоль ручья. Вот уж кому ничего не делается – и насекомые его не трогают, и здоровья хоть отбавляй. Дедушка. Ровесник Ильича. Я взглянул на часы: они показывали полтретьего, время летело с бешеной скоростью, так скоро и вечер настанет.

– Вода в ручье черная?

– Похоже на то...

– Поэтому и прозвали Черным ручьем. А черная она, потому что бежит из болота и несет в себе частицы торфа, а торф действует на организм как слабительное...

– Понятно. – Я с опаской покосился на воду, мучительно вспоминая, что находится в армейской аптечке, есть там лекарство от поноса или нет. Должно иметься, но лучше не рисковать. – А почему лес назвали черным?

– Потому что горел он не раз из-за торфа. Нам придется через него идти, но попасть туда можно только одним путем – через ручей.

– Туристы поджигают, наверное, костры разводят? – решил показать, что тоже что-то понимаю. Телевизор смотрел, и не раз, знаю, из-за чего пожары бывают, пожарные рассказывали. Любят у нас лес поджигать, правда, насколько мне известно, еще никого не обвинили, потому как доказать такое невозможно.

– Туристы сюда не ходят. Пару раз геологические экспедиции здесь работали, а больше никого не бывает, кроме тех людей, что сам вожу. Но я костры не развожу в лесу и другим не даю.

– А геологи что искали?

Я спросил и вдруг понял, что не чувствую боли, хоть не так давно твердо знал, что умираю. Неужели так на меня подействовала профессорская мазь? Или его самогон так хорошо обезболивает? Я задрал рукав и посмотрел на руки: многочисленные точки, остававшиеся от жал шершней на коже, куда-то пропали, отек тоже исчез.

– Железо.

– Так значит, я прав – это из-за него здесь стрелка вращается?

Нет – точно ничего не болит. И перед глазами перестали порхать черные точки.

– Железо в торфе есть, его растения накапливают, потом на дно оседают, металл собирается в кринки, это такие куски торфа с землей и останками растений. Раньше люди из болота добывали железо, правда, получалось оно плохим по качеству из-за многочисленных примесей. На стрелку компаса кринки не действуют, потому что разбросаны по всему болоту, а не лежат в одном месте.

– Вы же сами сказали, что геологи здесь железо искали.

– Какой-то умник вроде вас, юноша, тоже решил: если стрелка вращается, значит, здесь есть руда, и направил сюда геологическую партию. Трех тогда человек здесь потеряли, двое утонули, один сгинул без следа. Из-за этого экспедицию пришлось свернуть, с тех пор сюда больше никто не приезжал. А на картах геологов появилась надпись: «В районе имеется источник неизвестного излучения, чрезвычайно опасного для жизни. Экспедиция возможна только при наличии специализированной техники, пригодной для прохождения болот, и специальных скафандров с высокой степенью защиты...»

– А вам-то откуда это известно?

– А я сам с этой экспедицией ходил, до самого болота довел. А как причитанье кикиморы услышал, сразу понял: дальше идти не стоит, раз она кричит, надывается. Попробовал объяснить начальнику партии, что лучше вернуться, но меня не послушали.

– И что?

– Геологи – современные, хорошо образованные люди, для них так же, как и для вас, юноша, если наукой что-то не объяснено, то этого не существует. Посмеялись надо мной, стариком, и пошли дальше. О том, что получилось в результате, я вам уже рассказал.

– Но они были правы. – Я пожал плечами. – Так оно и есть, наука всему уже нашла объяснение.

И в самом деле: то, о чем чаще всего рассказывают местные жители, – есть суеверие чистой воды и глупости, которые придумываются от скуки, поскольку телевизора и радио здесь не имеется. А еще через какое-то время люди сами начинают в свои рассказы верить. Заблудился в лесу – леший с дороги сбил. В болото попал – кикимора лютует.

– Не всему ученые нашли объяснение, многое до сих пор неясно...

– Лет сто назад объяснили ученые люди про болотные огни, и о том, что на болотах светится – метан это вспыхивает, так что кикиморы тут ваши ни при чем.

– А вы сами эти огни хоть раз видели, раз так уверенно об этом рассуждаете? – Профессор посмотрел на меня через плечо: по-моему, с усмешкой. – Это зрелище любого вводит в дрожь.

– Пока не довелось.

– Откуда же у вас, юноша, столь великие познания в этом вопросе?

– Благодаря науке. – Я развел руками. – Учился, образование высшее получил...

Мы пробирались дальше по оврагу, кусты постоянно преграждали путь, приходилось обходить и, чаще всего, лезть в ручей.

Ботинки на мне хоть высокие, армейские и теоретически не должны промокать, но уже после первого погружения в них противно захлюпало.

Только остановиться, чтобы воду из них вылить и носки выжать, смысла не было. Стоит ли выливать воду, если через десять шагов снова наберешь? К тому же берег ручья круто спускался к черной воде, в которой даже рыбы не водилось, поскользнуться легко.

– Так почему лес горит, если дело не в туристах?

Я это спросил только для того, чтобы не молчать. Противно это, сразу мысли разные в голову начинают лезть. О смерти. О прожитой жизни. О господи! Вот не повезло так не повезло!!! Здесь все убивает!

– Чаще всего из-за молний, которые в деревья бьют.

– Давно известно, что железо к себе небесный огонь притягивает...

– Известно, да только геологи ничего здесь не нашли, нет тут полезных минералов для добычи.

Несмотря на то что в овраге было прохладно и сыро, пот с меня тек ручьем. Одежда армейская, но после того, как пропиталась водой, идти в ней стало далеко не так приятно, как раньше.

К тому же устал. Давно так много не ходил по лесу. Да еще и после нападения шершней тело стало слабым, больным. А профессору хоть бы что: чешет себе впереди, и все ему нипочем. Вроде и немолодой человек, сто с лишним лет, если не обманывает, а силы и выносливости столько, что можно только позавидовать.

Примерно часа через полтора, когда я уже понял, что придется ночевать в овраге, мы уперлись в скалу, которую ручей прорезал на две неравные части.

Серый камень с темными прожилками тянулся вверх, поверхность гладкая, словно шлифованная. Скала поднималась метров на двадцать, корябая быстро темнеющее темно-серое небо. Без веревки и альпинистского снаряжения можно даже не пытаться подняться – зацепиться не за что, а падать придется на острые камни, которых лежало внизу немало.

И оставаться не хотелось: у ручья костер не разведешь, ровного места не найдешь, да и спать придется ногами в воде.

– В этом месте ночевать нельзя, – покачал головой я. – Наверно, придется вернуться обратно. Дальше дороги нет.

– Наш путь дальше по ручью, только так можно подняться до озера. Это хоть и неприятно, но вполне реально.

Профессор полез в воду, двигаясь к скале по воде, погрузившись в нее по пояс.

Я посмотрел и, поежившись от холода, полез за ним. Сергей Сергеевич приподнялся и, невероятно изогнувшись, полез прямо в расщелину. Пришлось вслед за ним пролезать в холодной черной воде по гладкому, отшлифованному водой каменному ложу, которое тянулось вверх метров на двадцать.

Брызги били в лицо, ноги и руки от ледяной воды очень быстро перестали сгибаться и онемели. Поток воды оказался не очень сильным, но все равно норовил сбросить вниз. Хорошо,

что в камне имелись неровности, за которые мы судорожно цеплялись и подтягивались, хоть временами даже просто удержаться оказывалось чрезвычайно трудно.

Я хватался за все, что мог, вставал на четвереньки, захлебываясь от бившей в лицо воды, чтобы на пару мелких шажков пробиться вперед. Останавливаться было нельзя, течение сразу медленно, но неуклонно начинало сталкивать обратно в овраг, ноги скользили по камню, а пальцы разжимались.

Быстро стемнело, в сером сумраке слышалось только наше тяжелое дыхание и плеск воды внизу.

Не знаю, каким чудом нам удалось долезть до края расщелины и выбраться из ручья на берег. Я упал на серый холодный песок черного озера, глядя на красное, словно обмороженное солнце, которое опускалось в мрачные чертоги черного леса.

Вид, надо сказать, открывался жутковатый.

Озеро с черной водой, гладкой, словно застывший битум, а в нем отражался лес с кривыми обгорелыми стволами, и это все – никаких других цветов, кроме черного и красного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.